

18+

Лана Муар

Компаньон
для
Люцифера

Лана Муар

Компаньон для Люцифера

«Издательские решения»

Муар Л.

Компаньон для Люцифера / Л. Муар — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-986024-8

«La Familia» — моя маленькая семья мохнатых и зубастых, породистых и не очень... Всего лишь несколько кадров фильма захватили меня так, что на свет появилась фирма по выгулу собак. И когда в ней появился ретривер Люцифер, жизнь выдала фортель, после которого только и остается, как вздыхать — преподнесла на блюдечке с голубой каемочкой разговоры по вечерам с обладателем голоса, пьянящего до безумия. А встреча «в живую» добила — мало того, что он красавчик, так еще и наш преподаватель по праву. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-986024-8

© Муар Л.
© Издательские решения

Содержание

Компаньон для Люцифера	6
1	7
2	11
3	15
4	18
5	23
6	26
7	30
8	35
9	39
10	43
11	47
12	50
13	54
14	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Компаньон для Люцифера

Лана Муар

© Лана Муар, 2020

ISBN 978-5-4498-6024-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Компаньон для Люцифера

– Алисочка, господи, это какой-то кошмар! – женский голос в трубке надывается от слез, а на фоне слышно хэканье, повторяющееся раз за разом. – Бонечку тошнит уже полчаса. Алисочка, что с ним?

– Мария Сергеевна, успокойтесь, – я откладываю телефон на полочку перед зеркалом и включаю громкую связь, чтобы хоть немного причесаться. – Может быть он опять что-нибудь съел?

– Алиса, я не могу за ним следить двадцать четыре часа в сутки! – женщина вспыхивает и тут же снова начинает рыдать – хэканье становится громче и перекрывает собой все остальные звуки.

– Мария Сергеевна, берите Боню и едите к ветеринару! Срочно! – подхватываю рюкзачок, телефон и несусь по лестнице вниз.

– А может быть ты с ним съездишь? Я боюсь, что в таком состоянии не смогу ничего объяснить, а Бонечка тебя так любит и слушается.

Я едва сдерживаюсь, чтобы не зарычать. Вот почему этот бульдог вечно жрет всякую дрянь в те дни, когда у меня в универе важные пары, которые не то что пропускать – опаздывать нельзя. Особенно перед сессией.

– Алисочка, девочка ты моя хорошая, я заплачу как за весь день.

– Мария Сергеевна, в последний раз! – говорю ей в ответ и резко разворачиваюсь на полпути к остановке.

1

– Бенедикт! Ты самый подлый, мерзкий, отвратительный, беспардонный, наглый и вонючий засранец! Нельзя так. Нельзя!

Я даже представить не могу на сколько метров от меня несёт тошнотворным амбрэ – Боня ублевал все, что только можно, пока мы ехали в такси, половину приемной у ветеринара и, в завершение, самого ветеринара. А теперь семенит с довольной мордой и даже ухом не ведет. У-у-у-у-у!

Вообще, если бы не моя любовь к собакам и задница в плане надвигающейся финансовой Марианской впадины, то фиг бы я вязалась в эту затею. Училась бы себе спокойно, подрабатывая по вечерам в кафешке рядом со съемной квартирой. А теперь... Мало того, что сперва съехала Машка, и мы с Оксанкой посчитали, что сможем потянуть аренду на двоих – дуры. Наших стипендий хватало едва-едва, но съемная трешка за три года стала почти родной, а брать кого-то со стороны ну никак не хотелось. Две идиотки, по-другому не назовешь. Так через неделю управляющий кафешки начал недвусмысленно намекать, что если я не буду выходить на два часа раньше, то он меня уволит. И ведь, зараза, прекрасно знал, что у меня учеба, но упорно продолжал гнуть свою линию, а в конце месяца вызвал к себе в кабинет:

– Алиса, ну что ты решила?

– Сергей Владимирович, у меня через два месяца сессия, мне никак...

– Расчетные заберешь у бухгалтера. Сегодня. Сейчас.

Хлобысь!

Аста ла виста, бэйба. После того как забрала свои крохи, не удержалась и показала ему на прощание фак, мысленно обложив матами по самую макушку. Более уродского поступка от него я не ожидала. Думала, что договоримся, и после сессии смогу поработать летом полный день, но... Гудбай лишняя копейка и велкам в суровые будни.

Напились вечером в уматень с Оксанкой, аж до фиолетовых зайчиков в глазах, и пол ночи залипали в телевизор, щелкая с канала на канал. Пока не наткнулись на какой-то фильм.

– Оставь! Ксюня, смотри! – я аж подскочила с дивана и подлетела к экрану, на котором девушка шла по городу с кучей собак. – Может и мне так?

– Хм-м-м-м... Что-то не айс. – Оксана жмет плечами, а у меня в голове уже рисуется радужная картина.

– Не. Ну сама подумай! Ты хоть раз видела что-то похожее у нас?

– Алиска, включи голову! Тут не Америка. Это не прокатит.

– Наоборот! – я уже влюбилась в эту идею по уши, а алкоголь окончательно укрепил мысль, что все у меня получится на раз-два. Ну или три. – Ты просто в меня не веришь. Или завидуешь, что мне первой пришла эта идея!

– П-ф-ф-ф! Очень надо, – отфыркнулась Ксюха. Как-то странно посмотрела на меня, скосив голову на бок, и выдала. – Не. А хотя, если подумать, тебе даже полезно будет. Хоть задницу подкачаешь, бегая со своими мохнатиками.

За что тут же и получила подушкой.

Вообще, это был своеобразный прикол, который понимали только мы втроём, а теперь уже вдвоём. Девчонки при любом удобном случае троллили мою задницу, хотя она выглядела гораздо лучше, чем у них. В ответ, Ксюха получала за грудь – предмет нашей тихой зависти и обожания у одноклассников и не только, а Машке доставалось за глаза – огромные фиалковые блюдца, которые дадут фору в сто очков героиням анимешным мультфильмов. В общем, три красотки на потоке, а теперь уже две. Мы с Ксюхой в принципе не морочились учебкой – нам хватало сдать сессию на четыре, чтобы не потерять стипендию, – а вот Машка тряслась за каждую оценку, и в итоге свинтила по обмену в Англию.

Все же эта шальная идея не давала мне покоя. Я ее крутила и так, и эдак, и все больше загоралась. Хотя бы попробовать. Вскочила ночью и до утра просидела за ноутбуком. Сперва изучала иностранные сайты, занимающиеся выгулом и сопровождением собак, тихонько присвистывала, переводя стоимость услуг на рубли, и, когда в голове бабахнуло окончательно, стала создавать во всех известных соцсетях группы, в наглую копируя описание и список услуг. Единственное оправдание такому безумию – мне позарез нужны были деньги. Собак я любила с самого детства, а уж погулять с ними – ничего сложного. Даже вытащила из запасов толстую тетрадь и разлиновала ее больше чем на половину – уверенность из меня просто фонтанировала. И когда утром заспанная и растрепанная Ксюха выползла в одних трусах на кухню, ее встречала, как минимум, владелица успешной компании с краснющими глазами.

– Ты шибанутая! – широко зевнула она, оценив результат моей ночной работы. – Вот только надо название какое-нибудь что-ли. Чайник поставишь?

Я кивнула, полностью пропустив вопрос мимо ушей, и ушла в себя так, что при желании выцарапать меня оттуда никто не сможет.

«Название... Что-нибудь такое, чтобы цепляло сразу...»

Трындец. В моей голове закрутился такой ворох вариантов, но все они были не те или звучали по-идиотски. От одного только «Высобал» хохотала так, что из душа выглянула Ксюха. А всего лишь – выгул собак Алиса.

– Лиса, ты тупишь иногда там, где вообще все просто, – Ксюха уже допила кофе, для которого сама же поставила чайник. Забрала у меня лист с возможными вариантами и безжалостно вычеркивала одно за другим. – Это еще что за «Собал»?

– Собаки Алиса.

– Ну логично, – она хмыкает и снова вычеркивает, – Может проще открытым текстом? «Меня зовут Алиса и мне срочно нужно заработать денег на прожитье»?

– Спасибо за помощь, Ксю, – забираюсь с ногами на кухонный диванчик и обхватываю колени.

Вообще, такое глумление над моей идеей – дичайшее варварство. И я это демонстрирую всем своим видом. Но уж кто сейчас плевать хотел на мои обиды с высокой колокольни, так это Ксюха. Она довычеркивала лист до конца, перевернула его, чтобы проверить ширину полета моей фантазии, и пошла мыть кружку. Открыла кран и так спокойно, словно мимоходом решила уточнить, спрашивает:

– Долго будешь дуться?

– Еще пока долго. – я даже отворачиваюсь в сторону, чтобы не видеть ее.

– Лиса, а ты не пробовала просто не заморачиваться? Выбери что-нибудь простое, без твоих хитро выдуманных сокращений.

– Например?

– Ну-у-у-у... Вот если бы я искала кого-нибудь, кто будет гулять с моими псинами... – Ксюха разворачивается и садится на столешницу, – Мне было бы важно, чтобы к ним относились, как минимум, так же, как к ним отношусь я сама. Вот для тебя, собака – это кто?

– Друг, член семьи...

– Член... – она хохочет и мотает головой, – Вот тоже ты скажешь. Хотя... я бы от хорошего не отказалась.

– Ну в смысле часть, а не тот член, который в твоей головушке извращенной всплывает. – я тоже смеюсь.

– Ну пусть будет часть семьи, – Ксюха спрыгивает и разворачивает ноутбук. – Сейчас мы твой член-часть превратим в удобоваримое. Ну, например... А нет, слишком длинное. Так, а если... на немецком. Мимо. Во! И звучит! «La familia». Как? Круто?

– Неплохо.

– Лиса, ты вообще? – Ксюха хлопает ресницами, – Ты только представь, позвонят тебе и спросят почему так фирма называется, в ты им:" Потому что для нас каждый пес – часть семьи». Ну круто же. И с намеком на женственность.

– Ну я не знаю...

– Окей. А если «La» развернуть обратно? Что получится? «Al» – Алиса. Алисина семья. Допенькала?

И я согласно киваю. Мне даже начинает нравиться такая хитро выстроенная логика. Почему бы и нет? Уж всяко лучше «Высобала».

А когда через неделю мне позвонила Мария Сергеевна, я чуть не расцеловала Ксюху. Моя самая первая клиентка слово в слово повторила вопрос про название, а я ей ответила ровно так же:

– Ваша собака для нас – часть семьи.

– Тогда мы с Боней будем вас ждать через час.

И вот теперь я иду по улице, облеванная Бенедиктом чуть меньше, чем полностью и распугиваю прохожих. А эта наглая морда гордо дефилирует впереди, выслушивая мои недовольные возгласы в свой адрес, обнюхивает колесо дорожкой припаркованной иномарки и задирает заднюю лапу.

– Бенедикт! Фу!

Ага. Сейчас. Видимо в крови английских бульдогов аристократичная выдержка и спокойствие отсутствуют напрочь. И «Мерседесу» достается по полной от щедрот собачьих. За все распри между жителями туманного альбиона и немцами, так сказать.

Вообще, я уверена, что собаки полностью отражают характер своих хозяев. А Мария Сергеевна даже внешне чем-то похожа на своего Бонечку. Те же складочки на шее, взгляд и отношение к другим людям. Но это не мешает мне раз за разом вписывать ее в свою тетрадь и ходить гулять с Бенедиктом – постоянными клиентами не разбрасываются. Даже когда их собака в очередной раз нажрется какой-нибудь дряни. И вообще, мне нравится Бонька. Он действительно меня любит и слушается.

Наверное, все собаки, с которыми я гуляю, относятся ко мне именно так с самого первого дня. Только Град – питбуль – сперва подозрительно косился и крысился на мой рюкзачок, в котором я носила весь свой арсенал: шлейку, пуллер, когтерезку... В общем, все, что могло пригодиться. Но и с ним мы нашли общий язык. Слопали одно мороженое на двоих в парке, а потом его хозяин рассказал, что для Града подстричь когти – худшее из всех наказаний, а мороженое – дичайшая слабость. После этого случая я стала спрашивать у заказчиков о привычках их питомцев. Маленький пунктик, который только добавлял хозяевам уверенности, что они действительно отдают собаку в хорошие руки. А мне просто не хотелось лишней раз нервировать мохнатиков всякими мелочами.

Если быть откровенной, то за два месяца мой оптимизм в плане несметных богатств Колорадо или Эльдорадо – никак не могу запомнить – поутих. За выгул собак даже близко не набиралось тех денег, которые я зарабатывала в кафе, но мне нравилось. Так сильно, что с этих крох умудрилась выкроить на визитки и рюкзачок с арсеналом юного собаководы. Ксюха только покрутила пальцем у виска, рассматривая несколько намордников, и одобрительно кивнула на плотные темные картонки с силуэтом собаки. «La familia» в моем лице сдаваться не собиралась. Я обошла все ветеринарные клиники – где-то попила чай с принесенным тортиком, где-то просто попросила, – и мои визитки стали выкладывать на столик в залах ожидания. Так в моей тетради появились записи с двумя колляхами и огромным водолазом. Семейство мохнатых потихонечку росло, а я все ждала, когда же смогу прогуляться по городу, как в том фильме. Бзик, бзик и ещё раз бзик.

– Мария Сергеевна, рецепт, лекарство, чек и Боня, – передаю конец поводка и опускаюсь на корточки перед бульдогом. – Больше не лопай всякую дрянь! Договорились?

Клянусь, этот засранец сейчас улыбается. Тюкается мордой мне в ладони и довольно хрюкает, вяля задницей.

– Бенедикт! Мы ведь договорились? – я – сама строгость, но один черт чешу его за ухом и отстегиваю карабин. – Беги уже, блевун.

– Алисочка, спасибо тебе, – Мария Сергеевна чуть не плачет, когда бульдожка дефилирует к своему коврику и со вздохом страдальца устраивается на нем. – Мой бедненький. Все ведь хорошо прошло?

– Ну как сказать, – сомневаюсь, что у нее отсутствует обоняние, да и по моим джинсам догадаться не сложно, как оно все прошло. Вернее вышло.

– Алисочка, а можешь мне пару своих визиток оставить? У меня знакомые спрашивали, и я очень тебя советовала. – женщина быстро отсчитывает деньги с учётом моих затрат, – Ты девочка ответственная, и Бонечка тебя каждый раз ждёт, даже у окна кругами ходит – чувствует, что ты идешь.

– Конечно оставлю, – я кончиками пальцев достаю три картонки из кармашка рюкзака и убираю несколько купюр.

– Спасибо тебе большое. Мы с Бонечкой завтра хотели до дачи съездить, а послезавтра будем тебя ждать.

– Тогда до послезавтра, Мария Сергеевна, – прощаюсь с ней и грозно смотрю на бульдога, – Бенедикт! Мы договорились?

Он недовольно ворчит в ответ и виновато прячет морду. Все они прекрасно понимают, кто бы что не говорил.

2

От показательного расстрела меня спасает только то, что консультацию склеили для всех групп. И я в перерыве между парами просачиваюсь на заднюю парту, старательно изображая, что присутствовала тут с самого начала, а с рюкзаком выходила потому, что всегда так делаю. И голова сырая тоже только поэтому, а не из-за того, что буквально пятнадцать минут назад выскочила из душа.

- Блевун? – спрашивает Ксюха, опускаясь рядом и оценивая мой вид.
- Он самый., – киваю, раскрывая тетрадь. – Много писали?
- Да нет. Первую пару вообще никого не было, сидели, фигнёй страдали.
- Старец Фура опоздал? – удивлённо выдыхаю я.

И в этом удивлении нет ничего странного. Фурачев Венеамин Альбертович – сама пунктуальность. Бодрячковый дедок, с учётом того, что ему уже давно перевалило за семьдесят, с огромной лысиной и белой бородкой – за что и окрестили – ни за какие блага мира не отказывался прийти за полчаса до своих лекций и требовал стопроцентную явку, проверяя каждого по списку в начале и за пять минут до конца. Фиг обманешь и смоешься раньше. Принципиальный до жути, но весёлый. Половину лекции мог кошмарить и диктовать с такой скоростью, что пальцы немели, а потом начинал травить байки из своей молодости или про любимые яблони на даче.

– На кафедре сказали, что сердечко прихватило, – Ксюха раскрывает свою тетрадь и показывает сколько листов мне нужно оставить, чтобы потом переписать. – Мы тут пока ждали решили скинуться рублём по двести. Ты как?

- На венок?
 - Совсем дура что-ли? Сплюнь!
- Я трижды сплевываю и стучу по спинке стула.

– Парни с параллели предложили ему ноут купить, чтобы не скучал в больничке. Закинем туда ему фильмов под завязку, пусть смотрит, – Ксюха недвусмысленно подставляет ладошку. – Раскошелывайся.

– Да ладно? Когда это они вдруг стали такими заботливыми? – я улыбаюсь, но достаю из кошелька две сторублевых купюры, – Так и скажи, что решили на следующий год экзамен проплатить за наш счет.

– А если и так, то что в этом плохого? – она толкает парня, сидящего перед нами и тянет ему деньги, – Передай за Алису.

- А самой влом что-ли? – взбрыкивает он.

– А познакомить свою задницу с зубами Града не хочешь? – Ксюха приподнимает одну бровь и деньги тут же испаряются, чтобы быстро пойти дальше к первому ряду, сопровождаясь моим именем.

- Ксю, ты садистка! – я тихонько давлюсь от смеха.

– Хоть какая-то польза от твоих собачек, – она громко клацает зубами и парень перед нами вздрагивает, что только добавляет нам веселья.

Вообще, Град тогда никого не кусал и был в наморднике. Но этот факт почему-то затерялся, когда по потоку пошла байка, что мой пёс чуть-ли не в клочья разорвал пятую точку одному из сокурсников. Кажется, это был третий раз, когда я гуляла с Градом. Купила ему и себе мороженое и пошла к свободной скамейке в парке. Питбуль блаженно жмурился, елозя по стаканчику языком и жалобно поскуливал – металлическая фигня на морде ему мешала.

– Не сниму, – мотаю головой и подцепив пальцем кусочек просовываю ему между прутьев намордника.

Град аккуратно слизывает лакомство, а я снова подцепляю новую порцию. Так бы спокойно и кормила этого сладкоежку, если бы не один долбоёщер, проходивший мимо. Пашка Снегирев вообще редко отличался чем-то адекватным, а тут видимо мозг окончательно покинул его и без того пустую черепушку. Он решил, что будет крайне забавно подойти сзади и рывкнуть мне прямо над ухом:

– Привет, Лиса!

Сперва рывкнул он – так, что я выронила мороженое и вжала голову в плечи, – а потом, в ответ, уже Град. Одним прыжком перескочил через скамейку и погнал моего обидчика, в момент осознавшего, что ему светит, если рычащее чудовище его догонит. И оно его догнало, повалило на землю и угрожающе рычало, придавив передними лапами грудь, пока я не подбежала и не крикнула:

– Град, фу!

Питбуль ещё раз утробно рыкнул напоследок прямо в испуганное лицо Снегирева и неторопливо подошёл ко мне.

– Сидеть! – я крепко схватилась за его ошейник обеими руками и только потом спросила у лежащего на земле, – Ты как?

– Психичка! Поназаводят себе... – он опасливо покосился на пса и тихо добавил, – Идиотка!

– Пугать надо меньше! Придурок! А если бы он был без намордника? – мне, честно говоря, самой было страшно от такой реакции Града, и перепугалась ничуть не меньше Пашки, но выдохнула пару раз и сказала максимально спокойно, – Град, пошли.

И даже догадываюсь, кто именно стал распространителем этих слухов. Ксюха, конечно, сразу стала открещиваться, но мне-ли не знать, что кроме меня и Снегирия рядом из универа никого не было, а я рассказала это только подруге. Снегирев бы свой позор не стал озвучивать.

– И кто сегодня за Старца? – спрашиваю я.

– Завкафедры., – Оксана морщится и высовывает язык.

Трэшняк! Уж лучше четыре пары со Старцем, чем одна с Изольдой. Она так нудит, что, хочешь не хочешь, начнешь клевать носом и рано или поздно уснешь. И если Фурачев ограничивался перекличкой, то эта выборочно проверяла конспекты. Поэтому Ксюха безжалостно выдирает листы с написанным до моего появления и отдает мне, чтобы переписала. Половину следующей пары я усердно строчу со скоростью пулемета, а «догнав» едва ли не с облегчением выдыхаю – конспектировать под монотонное нудение Изольды, словно попасть в отпуск. Мы успеваем разобрать еще три билета, когда звенит спасительный звонок, но все остаются сидеть и ждут список избранных. Я даже скрещиваю пальцы, хотя все лекции у меня записаны полностью. Изольда может докопаться до любой мелочи и поставить заранее минус балл на зачете. Для нее вообще не было разницы в понятиях зачет и экзамен. И там, где Старец поставит зачет или четверку авансом, эта стерва с удовольствием отправит на пересдачу или влепит без сожаления тройку. А это автоматом на полгода перечеркнет возможность получать стипендию. Пересдать хотя бы на балл выше у Изольды – фантастика.

– Итак. Триста первая: Некрасов, Пескишева, Любова, Снегирев и Старцев. Триста вторая: Макаров, Иванова, Шумина, Юдин и... Сергеев. Триста третья: Искеев, Искеева, Полунин, Красильникова и Воропаева. Остальные могут быть свободны.

Большая часть потока тихонько выдыхает. Обидно только что нашим близнецам Маргаритке и Ромке опять достается по сути только за то, что у них одна фамилия. За остальных лично я вообще не переживала – Пашке Полунину единственному из всей группы Фурачев уже поставил зачет автоматом, а к Ленке Красильниковой и Сашке Воропаевой Изольде не подкопаться. У них одних почерк разборчивый, и вся группа, если что, списывала лекции с тетрадей девчонок. А Сашка так ещё умудрялась выделять основные текстовыделителями. Мы с Ксюхой

выходим из аудитории и ждем своих. Все пятеро – часть нашей дружной компашки, и мы всегда обедаем вместе.

Первым выходит Пашка. Ругается сквозь зубы, запихивая в сумку тетрадь и зачетку:

– Чтоб у нее грыжа на жопе выскочила! – говорит он, облакачиваясь о стену рядом с Ксюхой. – Докопалась, что у меня поля не очерчены. Я в школе что-ли?

– Вот тебе не пофиг? Автомат у тебя стоит – мог вообще не приходиться.

Ксюха поправляет Пашке челку, как заботливая мамочка. Вообще, она откровенно бесится каждый вечер, что Полунин слепой и никак не понимает очевидных вещей. Сколько раз мы не подстраивали им «случайное» уединение, но Пашка либо реально тупил, либо Ксюха была не в его вкусе. Хотя лично я в последнем сильно сомневаюсь.

– Да просто бесит! – он дергает головой и челка снова ерепенится в разные стороны.

– Полунин! Стой смирно! – Оксанка снова принимается наводить красоту в его образе.

А я кошусь на двери, из которых парой вылетают близняшки, злющие настолько, что даже если Пашкино проклятие сбудется, то им этого будет мало.

– Ну как? – спрашиваю их.

– Дополнительный вопрос... – начинает Маргаритка, а Ромка договаривает:

– И тест.

– Вот же... – выдыхаем втроем, а родственнички кивают.

– За что? – Пашка первый задаёт вопрос, интересующий всех.

– За рисунки в тетради... – Рита показывает лютики и ромашки на последней странице, а ее брат опять заканчивает:

– Стерва.

Они почти всегда говорят так. И мне сперва было даже дико от того, что два внешне абсолютно похожих человека, могут и думать одинаково. Иногда даже кажется, что если их развести по разным углам универа и задать один и тот же вопрос, то ответят они слово в слово или на половину. Маргаритка озвучит первую, а Ромка – вторую. Хотя на экзаменах и зачётах вроде бы каждый отвечает сам, только стараются идти друг за другом.

Ленка с Сашкой выходят последними, и мы всей компанией идём в соседний корпус – там всегда есть свободные места и готовят чуть лучше, чем в нашем. Пока Пашка с Ромкой сдвигают два стола и расставляют стулья, женская часть нашей компашки заказывает семь комплексов – почему-то так выходит гораздо дешевле, чем собирать обед по отдельности, что для нас немаловажно. Вообще, есть своя хитрость даже в том как расставляются тарелки. Ромка с Пашкой всегда едят по два супа, и Оксанка, по понятным причинам, отдаёт ему свой и забирает мой. В обмен на это ко мне перемещается Полунинский салат и Ксюхина булочка. У близняшек свой бартер – суп Маргаритки и весь хлеб, мой и ее, на булочку. Маргаритка ест исключительно сдобное, поэтому свою лишнюю я отдаю ей. В перестановках не участвуют только Ленка и Сашка. Только хлеб делят между Пашкой и Ромкой, оставив себе по одному, самому тоненькому, кусочку. Со стороны эти все перестановки выглядят каким-то бредом, но нам нравится. Что-то вроде ритуала, где каждый заботится и думает друг о друге.

Единственное свободное место за нашим «семейным» столом тоже оставлено специально. Я позвонила Левке, и он вот-вот спустится с защиты. Единственный человек не с нашего потока и курса.

Мы с ним познакомились в кафешке, в которой я тогда еще работала. Перекинулись парой дежурных фраз – он вроде как подкатил, по привычке, а я вроде как отшила. Тоже по привычке. Сергей Владимирович с какой-то маниакальностью бдил за каждым своим работником, и любой разговор, выходящий за рамки заказа, потом мог выйти боком. А так как я планировала там работать дальше, то деликатно посылала каждого, проявляющего интерес к моей скромной персоне. И когда увидела Левку с куцым букетиком в руках, ждущего меня у служебного входа, даже немного удивилась.

– Если решил сказать мне спасибо по поводу хорошего обслуживания, то лучше сделай запись в жалобной книге., – ляпнула я первое пришедшее в голову и пошла к остановке.

– На свидание тоже через запись приглашать? – он тянет мне цветы, пристроившись рядом. – Проводить-то хоть можно?

– До остановки.

– А если мне по пути?

– И где ты живешь? – я останавливаюсь, смотрю на него и вижу улыбку.

– Типа, если не рядом, то вообще без вариантов?

– Угу.

– Я завтра напишу в жалобной книге. Обещаю, – он улыбается шире. – Лева.

– Тогда завтра и посмотрю на сколько тебе по пути, Лева, – мне самой смешно от всего происходящего, но разворачиваюсь и, помахав букетом, иду дальше. – Спасибо за цветы. Лева.

А на следующий день он снова пришел под самое закрытие и сразу потребовал жалобную книгу. Я долго хохотала, когда прочитала: «Великолепное обслуживание. Лева. Строителей четырнадцать.»

– Привет всем, – Левка весит тубус на спинку свободного стула и идёт заказывать себе обед.

Настроение у него тоже не айс. Видимо, опять какой-то из чертежей не прошел проверку или руководитель завернул диплом. Лева в этом году заканчивает и наша сессия по сравнению с его защитой – пустяк.

– Чертежи? – спрашиваю я, когда он опускает поднос и садится за стол.

– Если бы, – Лева скрипит зубами. – Половину расчетов с нуля переделывать надо. Волков подумал, что у меня получилась слишком лёгкая электросхема и теперь нужно впихнуть резервную. На всякий случай. Урод!

Я понятия не имею, на сколько это сложно, но судя по виду Левки – жопа та ещё. Не то что наша история.

3

– У тебя какие планы на вечер? – спрашивает Левка, провожая меня до остановки.

Оксана с Полуниным плетутся чуть поодаль, чтобы не мешать нам и «показать правильный пример этому слепому».

– Сейчас приду, попробую что-нибудь почитать. Пару билетов хочу выучить, а потом к шести поеду за Валлеей и Глосси. Лиля просила их выгулять, пока она с мужем будет вещи собирать.

– Ясно. А потом?

– Да не знаю, – жму плечами, – Особо ничего не планировала.

– Может тогда сгоняем кинчик посмотрим? Или, если хочешь, я могу с тобой собак выгулять. – Лева перекидывает лямку тубуса на другое плечо и «случайно» возвращает руку уже не на поясницу, где она лежала раньше, а заметно ниже.

– Лева. Давай я подумаю и перезвоню? – я возвращаю его ладонь обратно, не обращая внимание на еле заметное недовольство.

Форсировать события мне никак не хочется. Тем более сейчас, когда мое дальнейшее проживание в квартире – очень большой вопрос. Если сейчас разъедутся все постоянные клиенты, то даже успешно сданная сессия не спасет. Через месяц придется перебираться в общежитие, а это событие мне никак не хочется впускать в свою голову. Я слишком привыкла к нормальной квартире, где у меня есть своя комната, по размерам превышающая общажную, которую, к слову, придется делить непонятно с кем.

– До вечера? – Левка все же ограничивается простыми обнимашками и не лезет с поцелуями.

– Я позвоню, как освобожусь.

Он коротко кивает и быстрым шагом идет к пешеходному переходу, чтобы успеть на подъехавший автобус – его остановка на другой стороне улицы, и живёт Левка в другом конце города.

Оксанка подставляет щеку для «дружеского» поцелуя Полунину, и я отворачиваюсь, чтобы его не смущать. Комедия одним словом. Пашка, в принципе, офигенный парень. Умный, высокий, в меру красивый и фигуристый, но либо реально не понимает, что Ксюха третий месяц отшивает всех ухажёров, чтобы быть свободной на момент «озарения». Либо у него все же кто-то есть, и он это тщательно от всех скрывает.

«Напою после сессии и выпытаю!»

Коварный план. В любом случае хоть что-то сдвинется с мертвой точки. Если есть, то Ксюхе, конечно, будет трешняково, но если нет... Я даже сама помогу дотащить пьяное тело в комнату своей подруги. А там уже она пусть сама решает, что с ним делать и как. Даже жалко его с одной стороны в этом плане, но зря что-ли Ксюха столько времени сидит на голодной диете?

Вообще не представляю, кто в здравом уме перед зачетом у Изольды будет ломиться гулять с собаками, вместо того, чтобы сидеть и зубрить до умопомрачения. Но. В моей «Семье» мохнатки-колли как самое сильное успокоительное. Черная Валлея и рыжая Глосси встречают меня на пороге, повизгивая от радости и размахивая хвостами.

– Привет, мои девчули, – я наклоняюсь к ним и долго глажу каждую.

Обе коляхи толкаются у моих ног, и каждая старается захватить побольше внимания только к себе любимой, отталкивая бочком другую и предупреждающе клацая зубами.

– Алиса, они меня так не встречают, – смеется Марк и зовет Лилю, – Ты посмотри на этих стонотин.

– Мои пусечки пушистые! Соскучились, мои красотульки. – я достаю из рюкзака пакетик с вкусняшками, которые любят эти две коляшки, и поднимаю ладонь. – Сидеть!

Валлея тут же опускается на задницу, а Глосси довольно твякает – она думает, что победила в борьбе за почесушки.

– Глосси, сидеть! – повторяю строже, и рыжая садится чуть ближе ко мне.

Маленькая шпилька в сторону Валлеи. Как будто так ее будут любить больше. Я пристегиваю поводки и только потом даю обоим по маленькому кусочку.

– Алиса, может ты с ними погуляешь немного подольше? Хотя бы пару часиков, – Лиля выходит из комнаты и ставит небольшой чемодан к сумке, уже лежащей в коридоре. – Вообще ничего не успеваем.

– Конечно, – киваю я, – Мы тогда ходим в парк, а вы позвоните, когда будете готовы.

– Спасибо, – Лилиа облегченно вздыхает и достает из кармана халата длиннющий список. – Марк, провожай и пойдем дальше.

– Гулять!

Если честно, то я безумно рада просьбе Лили. В плане оплаты, дополнительное время ничего не решит, но две коляшки – как заряд хорошего настроения и микроверсия кадров из фильма. Мы с ними идем в соседний парк, а меня понемногу начинает распирать от счастья. Две мордашки по очереди оборачиваются и проверяют, где я и не потерялась ли по пути. Пастушьи инстинкты для них – как охрана и защита у Града. Вроде бы ничего особенного и сверхъестественного, и описаны в книгах по собаководству миллион раз. Только мне кажется, что у мохнатиков свое мнение на этот счет. Они чувствуют, когда их любят, и просто отвечают тем же. Вообще, собаки лучше людей. Они честнее. Если они тебя не любят, то станут рычать, а не радостно вилять хвостом.

– Апорт! – я снова бросаю пуллер так далеко, как только могу.

И теперь за ним срывается Глосси – Валлея лишь немного дёргается за ней, но отбежав на метр, остаётся со мной. Коляшки как-то договорились между собой и играют по очереди – одна радостно летит за пуллером, а вторая сторожит овцу, то есть меня. Сравнение, конечно, то ещё, но мне смешно от того, как за мной постоянно следит внимательная пара глаз. И если я отойду чуть дальше положенного, Валлея тут же начнет нарезать круги, оттесняя меня обратно, а потом на ее недовольный лай прилетит Глосси. Овцу, решившую смыться из-под присмотра, всеми правдами и неправдами один фиг вернут на полянку. И если Валя-Валлея будет просто вставать у меня на пути, не давая сделать шаг, то Глашка-Глосси может и цапнуть. Сперва играючи, а потом уже вцепится в край одежды и будет тянуть обратно. Лилиа говорила, что обе ее пастушки работают немного неправильно, и поэтому они с Марком взяли отпуск. Поедут на какой-то семинар-практику под Иваново к правильному дядьке. Там у него и поля есть, и овцы правильные. Не то что я.

– Апорт!

И Валлея, сдав пост наблюдателя, мчится стрелой за пуллером, А Глашка бессовестно тычет мордашкой в рюкзачок, вынюхивая куда я спрятала вкусняшки. Наглость – второе счастье.

– Фу!

Рыжая, застигнутая на месте преступления, тут же плюхается на задницу рядом с рюкзаком, а в глазах можно прочесть истинное удивление: «А я чего? Я вообще тут мимо проходила.» Только уши торчат локаторами и ресничками хлопает. Хитрюга.

– Я все вижу, – громко говорю я, немного повернувшись, чтобы взять кольцо пуллера у Валлеи. – Глосси, ко мне! Апорт!

И огненная стрела срывается с места. Вкусняшки вкусняшками, а поиграть все же интереснее.

Марк с Лилей сами приезжают к парку, чтобы сразу ехать и не терять время. Им нужно выезжать в ночь, а мне идти готовиться к зачету. Я еле сдерживаюсь, чтобы не разреваться, когда вижу припаркованный у входа автомобиль. И красотки идут медленнее, чем обычно, словно чувствуют, как внутри меня кошки точат когти о сердце.

– Алисочка, спасибо огромное! – Лиля тянет мне деньги и забирает поводки. – Валлея, Глосси, вперед.

Она подходит к машине, а коляшки упираются и оборачиваются. Поскуливают так жалобно, что у меня на глазах выступают слезы.

– Лиля, – Марк одними глазами показывает жене на меня и она оборачивается, наклоняется к собакам и отстегивает карабинчики.

Коляшки срываются обратно и тюкаются ко мне в колени.

– Мои хорошие. Девочки мои любимые, – шепчу я, зарываясь в густую шерсть и целуя мордашки по очереди, – Я буду скучать по вам. А когда вы приедете, мы снова пойдем гулять. Хорошо? Все, бегите, мои лапочки.

Я размазываю слезы по щекам и иду с ними к машине, смотрю как они запрыгивают внутрь и закрываю дверь.

– Алиса, мы приедем через пять недель. Не расстраивайся так, хорошо?

Марк старается говорить успокаивающе, но у меня какая-то обратная реакция на его слова – я начинаю всхлипывать все чаще и видимо заражаю Лилю. Она подходит, обнимает меня, и мы уже вдвоем ревом так, будто прощаемся навсегда. За два месяца я гуляла с ними всего по два раза в неделю, но коляшки и их хозяева стали для меня такими родными, что их отъезд всего на несколько недель воспринимается личной трагедией. Лиля громко всхлипывает и, выпустив меня из объятий, достает из сумочки маленькую фигурку двух колли:

– Мы с Марком хотели ее тебе подарить, – говорит она, – Только не знали как и понравится-ли она тебе. Алиса, ты наших девчушек запиши на середину июля, хорошо? Мы потом позвоним, чтобы точно сказать число.

– Спасибо, – киваю я, сжимая в ладошке маленькую копию Валлеи и Глосси. – Вы извините, что я так... Они такие родные уже... Спасибо.

И мы еще несколько минут плачем, пока Марк не заводит машину.

Я долго машу рукой им вслед. И лишь когда автомобиль скрывается за поворотом, разворачиваюсь и медленно иду к остановке. В кармашке коротко вибрирует телефон.

«Ну что на счет кино?» – читаю я сообщение от Левки.

Все же он не дожидается моего звонка и пишет первым. Я смотрю на часы и набираю ответ: «Давай не сегодня. Я не успеваю подготовиться к зачету.» Рядом с отправленным сообщением сразу появляется галочка – Левка видимо держит телефон в руках и прочитал сразу.

«Хорошо. Созвонимся завтра?» – прилетает от него эсмэска.

«После зачета позвоню.»

Если честно, то я не представляю, как успею хотя бы прочитать все, что будет в билетах, а тем более выучить. И пока еду в автобусе, открываю краткий конспект, который Пашка Полушин накопал где-то на просторах Интернета. Он даже умудрился его скомпоновать по билетам – при желании можно распечатать и приготовить шпоры. Вот только Изольда их чувствует за километр и просто сразу отправит на пересдачу. Я тихонько вздыхаю, пробуя сконцентрироваться на первом вопросе первого билета:

«Понятие истории, периодизации истории, этапы развития общества.»

Господи, ну вот зачем химикам все это? Зачем?

4

Я практически ненавижу Изольду всеми фибрами души. Эта садистка долго и нарочито медленно перелистывает страницы моей зачетки, словно ей есть дело до того какие оценки я получала раньше. Все это не больше чем мелочь, пунктик, попытка докопаться хоть до чего-нибудь. И если Старец быстро бы посмотрел предыдущие зачеты и экзамены, пару раз вздохнул, но поставил зачет, чтобы не портить картину и не лишать меня стипендии, то Изольда Мракобесовна издевается до последней секунды. И мне остается лишь сидеть перед ней и ждать.

Большую часть ночи я не спала, пытаюсь хоть что-то впихнуть в голову. Выпила несколько литров крепкого кофе без сахара и вырубилась буквально на час прямо за столом. А когда вскочила из-за Ксюхи шарахающейся по кухне, то первая мысль после панического страха, что я все-таки проспала зачет, зазвучала в голове голосом Фура: «Крещение на Руси произошло в девятьсот восемьдесят восьмом году благодаря киевскому князю Владимиру Красному Солнышку». Единственное, что я более-менее внятно смогла бы выдать.

Вообще, после холодного душа на меня накатила какая-то апатия и полное самоуничтожение – сдать историю Изольде с первого раза я уже не мечтала и практически попрощалась со стипендией. О чем и выдала Ксюхе, допивая вторую кружку с адской концентрацией растворимого кофе.

– Ксю, ты не помнишь к кому надо на счет общаги подходить? – спросила я, решительно закрывая тетрадь с конспектами.

В моей головушке Алиса после проваленного зачета уже собирала вещи в сумку и перлась на остановку.

– Э! Мать! Ты давай тут раньше времени панику не разводи! – Оксанка тоже толком ничего не выучила, но видимо еще надеялась на какое-то внезапное озарение или чудо. – Допи-вай свою муру и поехали. Зайдем первыми. Может хоть так плюстик себе в карму заработаем.

Она аккуратно приклеила скотчем в тетрадь вырванные вчера страницы, а потом даже натянула обложку и перекрестила. Положила сверху свою зачетку и тихонечко зашептала, глядя в потолок:

– Пожалуйста, дай мне вытянуть тринадцатый билет.

– Ксю, думаешь с Изольдой прокатит? – усмехнулась я и чуть не подавилась, делая последний глоток из кружки.

– Вот! Это тебя бог Халявы так покарал! – выдала она в ответ на мой кашель. – Нормально все будет.

– Да иди ты со своими карами! Все нормально будет, если только Старец придет.

Я кое-как откашлялась, налила себе в стакан воды и выпила, чтобы немного смыть привкус кофейной горечи во рту, а Ксюха все колдовала над зачеткой, требуя милости в виде единственного выученного билета. Даже подошла к форточке и проорала: «Халява, приди!»

И пока мы ехали на автобусе к университету, читала исключительно «свой счастливый» билет, а я наплевала на все – уж если мне и светила задница, то она случится в любом случае.

Пашка – единственный, кому вообще сегодня можно было не приходиться – маячил в крохотном палисаднике перед дверями универа, нарезая круги около памятника кому-то там очень важному. Заметил нас и ломанулся прямо через забор.

– Привет, ну вы как? – спрашивает он, и тут же попадает в цепкие ручки Ксюхи:

– Полунин, ты вообще? Расчесываться принципиально не собираешься что-ли?

– Потом как-нибудь, – Пашка вяло отмахивается от расчески и замирает лишь после того, как Ксю на него рычит:

– Полунин! Замер! Быстро!

Я смотрю на все это и начинаю смеяться. Пашка ни в какую не поддается чарам моей подруги и полностью игнорирует неслучайные случайности, которые Ксю тщательно продумывает (пуговка на блузке расстегнута исключительно для него). И если сравнивать с кем-то из собачьего царства, то, определенно, Пашка – афганская борзая. Такой же упрямый и независимый. Вот только и Ксюхе палец в рот не клади – отцапает по самый локоть при желании, а уж в плане упертости смело переплюнет всех борзых вместе взятых. Если задалась целью, хрен отцепится. Как Град. И рано или поздно Пашке Полунину можно будет петь последнюю песню своей свободной жизни: одной конкурентке, покусившейся на нашего «афганца», Ксю очень недвусмысленно расписала все возможные травмы и даже погрозила маленьким кулачком, на всякий пожарный.

«Точно напою!» – решаю я, мысленно подписывая Пашке билет в один конец.

– Оксана!

Полунин взбрыкивает, когда его шевелюру все же приводят в порядок, и тут же получает в лоб за то, что одним движением руки разрушает идеальный пробор.

– Только попробуй! – Ксюха откровенно бесится и снова принимается за «афганца».

– На зачёт опоздаете. Ксюха, мне так не нравится! Алиса, ну скажи ты ей! – Пашкины попытки спастись от расчёски выводят мое веселье на уровень истерики.

Я хохочу, как сумасшедшая. «Афганец» до победного брыкается, отстаивая свой персональный хаос на голове, а «питбуль» с расчёской раз за разом лупит его по рукам, стоит Пашке внести хоть какие-то малейшие коррективы. И, в итоге, победа достается Ксюхе. Она достает телефон, щелкает немного погрустневшего Полунина и показывает ему фотографию:

– Вот сам посмотри! Ну ведь красотища же. Да? – и в этом вопросе вложено совсем другое.

По факту в двух буквах отчётливо слышно: «Только попробуй сказать, что не нравится!» Ксю – хитрая стерва. Буквально за десять минут превратила Пашку в стильного красавчика и заимела классную фотку (что мне кажется было главнее для нее лично). Она поправляет локон и довольно улыбается – вот точно все ради фотографии затеяла.

– Ну так чего ты приехал? – Ксю сама забота.

– Вас поддержать думал, – Пашка поднимает ладонь к волосам и тут же отдергивает. Строгий взгляд следит за малейшим намеком на попытку испортить прическу. – Знал бы – хрен поперся!

– Да ладно тебе. Нашел тоже из-за чего обижаться, – я беру его под руку и Ксюха тут же повторяет мой маневр.

Маленькая хитрость имени Алисы срабатывает на раз-два, а настроение просто взлетает в небеса. Полунину только и остаётся, что шагать красавчиком под конвоем. И прическа останется нетронутой, и Оксанка аж светится от счастья.

– А может после сессии отметим? Можно у нас собраться, – я кую железо не просто на горячую, даже не даю ему остыть ни на градус. – Всемя как загудим!

– О, кстати, да! Можно ещё чего-нибудь вкусенького приготовить! – Ксю моментально подхватывает мою идею и развивает, развивает. – Картошечки пожарим, салатиков накрошим, сало купим. Я, кстати, тут на рынке белорусское видела с чесночком...

Хрясь! Вот уж где истинная дрессура. Полунинская слабость к салу уже давно известна всем в нашей компании, но только Ксюхе приходит в голову, что так можно его не то что уговорить на посиделки – Пашка теперь сам будет яро уламывать остальных, ещё и сало купит. Хотя сложнее всего уговорить его самого: близнецы вообще всегда за любой кипишь, кроме голодовки, а Сашка и Ленка ещё месяц назад предлагали погулеванить. Правда только женской

половиной, но тут же и повод совсем другой! Останется только незаметно напоить его в зюзя и разболтать. Вообще не представляю как именно, но тут уж у меня будет, как минимум, один заинтересованный помощник. Эх, Полунин, Полунин, знал бы, что ради тебя все так приходится изворачивать!

Гестаповские замашки Изольды начались с выворачивания карманов и выключения телефонов. Первая пятерка вошла в аудиторию (мы с Ксюхой выбили себе это право ещё на первом курсе) и по очереди подходит к главному фашисту. В руках только ручка и зачетка. И если бы не пара жалоб ректору, то Мракобесовна с удовольствием заставила продемонстрировать, что скрывается под юбкой. Вообще, не вариант пронести даже самую крохотную шпору.

– Зачётку на стол, тянем билет и садимся за первый стол! – командует она.

Я иду самой первой. Смысла оттягивать неизбежное нет никакого. Со стипендией сейчас попрощались практически все, кто стоит в коридоре. Наобум тяну узкую бумажку и показываю Изольде. Ну вот реально пофиг. Поэтому беру всего один чистый лист и ползу на указанное место. Ксюха подходит второй, тянет свой билет и по ее глазам вижу – вытянула таки свой тринадцатый. Она берет аж пять листов и довольная топает в самый конец аудитории, а я, наконец, решаюсь посмотреть, что же за дрянь мне подсунил ее боженька Халявы. Читаю один единственный вопрос и не верю.

«Да быть не может!»

Я мотаю головой и снова, почти по слогам, читаю: «Внешняя политика СССР во время холодной войны». Твою ж мать! Единственный билет среди всех с одним вопросом – бонус от Старца. И именно по этой теме писала реферат! Живём!!!

– Изольда Марковна, а можно мне ещё один листочек? – жалобно прошу я.

Ух, как же я всё-таки ее ненавижу! Я исписала оба листа с двух сторон почти каллиграфическим почерком, без помарок и даже, какой кошмар, подчеркнула все даты и перепроверила текст на правильность расставленных запятых, а она... Старая вредная стерва заставила заново вывернуть и без того пустые карманы, самолично раскрутила ручку в поисках шпоры, обползала парту, за которую сама же меня усадила, и теперь ищет до чего бы все же можно докопаться. Изольда Мракобесовна ибн Гестапо! Фашистка долбаная! Я этот реферат самолично писала и исправляла косяки, найденные Старцем, когда большая часть тупо скопипастила с интернета. Удаvisь ты! Там точно все точно!!!

– В принципе, тема почти раскрыта, Елизарова, – медленно тянет она, отлистывая страницы зачетки обратно. – Но все же не полностью.

«Алло! Ты там с какой колокольни башкой об асфальт ебнулась? В смысле не полностью?» – я удивлённо смотрю на ее довольную улыбочку конченной садистки.

– Год крещения на Руси?

– Девятьсот восемьдесят восьмой год. Князь Владимир Красное Солнышко, – не задумываясь ни на секунду выдаю я ответ и ручка Мракобесовны выводит: «зач.» в ведомости и потом в моей зачетке.

– Свободна. Позови следующего.

– Спасибо, Изольда Марковна. До свидания.

Я вылетаю из аудитории и первым делом прыгаю на Пашку:

– Сдала! Сдала, Полунин! Ох, набухаемся после вышки!

– Лиса, ты с ума не сходи! – хохочет он, аккуратно отцепляя от себя мои руки. – Что за билет был?

– Внешка СССР в холодную войну. И ещё год крещения спросила, – я все же от нахлынувших эмоций чмокаю его в щеку и только потом оборачиваюсь к одноклассникам. – Короче, я на билете уголки загнула, если что.

Ещё одна маленькая хитрость. Уже не в первый раз я загибаю на билетах самые кончики уголков, расположенных по диагонали, чтобы тот, кто учил именно его, смог вытащить свой «счастливый билетик». Как бы не переворачивала Изольда билет, один уголок все равно будет виден. Эту хитрость изначально придумала Машка. Правда она отрывала кончики, а я чуточку изменила.

Ксюха выскочила минут через двадцать, выжатая как лимон, но довольная. Показала зачетку и, подставив щеку Полунину, прикрывает глаза:

– Ну? Я жду.

– Ксюха, ну давай не тут хотя бы, – Пашка краснеет, а я вообще не понимаю, что тут происходит.

– Полунин! Мы с тобой спорили? Спорили! – Ксю сверлит его взглядом и пальчиком показывает на щеку, – Давай-давай! Продул – расплачивайся!

– А, вообще, откуда я знаю, что ты именно тринадцатый билет вытащила? – спрашивает он.

– Полунин! Ты охренел что-ли? – «питбуль» Ксюша сверкает глазами и подходит к двери в аудиторию, – Давай у Изольды спросим?

– Да ладно тебе. Верю, – сокрушенно выдыхает Пашка.

– Вот. Совсем другое дело! – Оксанка аж подпрыгивает и снова подставляет щеку.

Пашка едва касается ее губами, и мне с одной стороны его жалко. Ксюха, конечно, стерва та ещё, но спорить на поцелуй... Черт, да я сама его спойть вроде как собираюсь... м-да... ситуевина... Вроде бы и хорошо, что она его в оборот взяла, но вдруг у него реально кто-то есть? Ну ведь может же быть такое? А потом кто-нибудь слушки начнет распускать и у парня на пустом месте проблемы начнутся... Ой дуры...

– Ксю, сходишь со мной до туалета? – дёргаю я ее за руку и чуть не силой тащу в обозначенном направлении. – Оксанка, вот только давай сейчас очень серьезно, хорошо?

– Ну. – она смотрит на меня счастливыми глазами, и дело явно не в зачёте.

– А если у Полунина девушка есть?

– И ты ради этого меня сюда притащила? – Ксюха смеётся и мотает головой. – Нет у него никого. Я узнавала у его соседа по комнате. Да даже если бы и был, то отобью! Он такой... Алиска...

– А если ты ему не нравишься даже? Вот только не обижайся. Ну ведь всякое может быть. – мне самой не нравится то, что я говорю, но хочется хотя бы какой-то определенности.

– Не знаю, – Ксюха опускается на подоконник и отворачивается. – Ну не знаю я! Но ничего с собой поделат не могу. Вот как-то так.

Ее плечи вздрагивают и я виновато опускаю глаза.

– Ксюнечка... Ксюня... Давай я его сама спрошу?

– Совсем что-ли? – она всхлипывает и отмахивается. – Так он тебе и сказал.

– Ну Ксюня... Я аккуратненько выпытаю. Хочешь?

– Угу. Иголки под ногти загонять будешь? – Ксю тихонько усмехается и снова отрицательно мотает головой. – Хрен он тебе чего расскажет.

– А мы его напоим, – выдаю я свой план. – Вот как планировали отметить, так и напоим. И я все узнаю. Хорошо?

– Не знаю, – она шмыгает носом и поворачивается. – А если он вообще не пьет?

– Ксю, да мы с тобой что-нибудь обязательно придумаем! – уверенно говорю ей и хитро подмигиваю. – Ну так как? Операция «Полунизация»?

– Лиса, ты вообще адекватная?

– С тебя пример беру! Давай приводи себя в порядок и пойдем обратно. Будем твоего «афганца» приручать.

– Точно неадекват! – Ксюха смеётся, но все же подходит к зеркалу и быстро поправляет макияж.

Мы простояли ещё час у аудитории. Дождались сперва близняшек, а потом Сашку с Ленкой. Последние сдались с пол пинка, что ни капли не удивительно, а вот близнецам Мракобесовна вытрахала и высушила мозг по полной. Сперва обоих заставила писать тест, а потом прогнала почти по всему курсу (это у нее называлось дополнительным вопросом). Ромке попался билет по реформам Петра Первого, а Маргаритка вытащила мой, с загнутыми уголками. Хорошо хоть после ответа Изольда просто поставила им зачеты, а не стала гестапить дальше. Видимо просто устала или решила, что родственникам досталось достаточно. Сучка, одним словом. Но нам уже было на нее начихать. В следующем году истории у нас не будет – странное нововведение именно по нашей специализации. А вот остальным химикам предстоял экзамен, и, если Старец Фура не выйдет после больничного на работу, я не завидую никому, кто пойдет его сдавать этой фашистке.

5

Иногда мне кажется, что в моей голове вообще отсутствует мозг. Не так, как у Снегирева (там вообще само слово «мозг» вызывает глупую улыбку на лице), но уже приближается по уровню глупости совершаемых поступков.

Сессию я сдала почти с блеском. Даже вышку умудрилась написать на пять и выслушала в свой адрес пятиминутную хвалебную речь от Ивана Петровича – не верил дядька, что в моей головушке есть знания на таком уровне. Да что уж там говорить, я сама охренела от этого результата не меньше его. И по итогу – стипендия отличника в кармане. Пришлось правда пустить слезу перед химичкой, чтобы пожалела и поставила зачёт, а не губила. Как-то облажалась я на пустом месте и запоролась там, где была уверена на все сто процентов. Выклянчила ещё один билет и решила практическое задание буквально за пять минут. Ольга Сергеевна даже не стала по теории гонять. Посоветовала только на будущее быть внимательнее и отправилась с миром. То есть с зачетом. И видимо этот внезапный тупизм был первым звоночком, а я его прошляпила, радуясь, что стипендия есть, да ещё и на две с половиной тысячи больше. Каеф! И тут же спустила почти все отложенные крохи.

– Здравствуйте, меня зовут Алиса и я тормоз!

– Проходи, Алиса, присаживайся.

Такой вот диалог в моей голове крутился второй день, а в рюкзаке юного собаководы лежало три новеньких поводка. Зачем купила? До сих пор не представляю. Шибанутая, одним словом. Если что, то попробую сварить из них суп. Или распушу на ниточки и приготовлю лапшу. Слезками посолю и буду лопать до следующей стипендии. Постоянные мохнатки разъехались по дачам-отпускам, и «La familia» в моем лице практически заклинала телефон, чтобы он позвонил и у меня появилась хотя бы одна собака на выгул. Но... Фиг с ним с этим. Ксюха пообещала подкормить. И на крайний случай – три поводка (слопаю, чтобы в следующий раз сперва подумать).

Вообще, вся наша компания с сессией расквиталась более-менее. Пашка Полунин ещё раз подтвердил, что ему стипендия отличника платится не просто так. Все зачёты автоматом, а на экзаменах пять с плюсом. Ксюха на вышке умудрилась спалиться со шпорой, но Иван Петрович закрыл на это глаза и продолжил откровенно пялиться на глубокое декольте. Близняшки дружно закрыли сессию с абсолютно одинаковыми оценками. Снова. И мы даже придумали теорию, что у них мозг работает синхроннее, чем две абсолютно идентичных компьютерных программы на одинаковых компах. Сашка и Ленка тоже замахнулись на повышенную стипендию, но там, где сроляло декольте Ксюхи, девчонкам продемонстрировать было нечего, чтобы получить балл бонусом за зрелищность. Хорошо хоть до четверки дотянули за посещаемость. Вышка как-то неожиданно стала самым обсуждаемым экзаменом, отодвинув гестапо Изольды на вторую позицию. А мы дружно сходили поставить печати в зачетках о переводе на четвертый курс и включили на полную фантазию по подготовке к грандиозной пьянке, которая для двух человек звучала исключительно как операция «Полунизация». Прицепилось так, что не вытравишь кислотой. А нам, честно говоря, даже нравилось. Правда вряд ли Пашка пришел бы в такой же восторг, узнай он, во что ему грозило вылиться отменение сданной сессии. Паша, если когда-нибудь, ты узнаешь правду и что-то пошло не так... Прости нас, мы не со зла. Честное слово.

У нас с Ксюхой просто сорвало башню и даже число выбирали так, чтобы у нее гарантированно закончились месячные. «Афганца» планировалось напоить до состояния неконтролируемого языка, выпытать всю подноготную про возможную пессию и как-то оттараканить невменяемое тело в спальню на заклятие. Ксю купила новый комплект постельного и полупро-

зрачное белье для фееричного прозрения у нашего «слепого». И признаюсь, на ее формы в этих кружевах даже я пускала слюни. А если у Полунина на такой откровенный намек не включится голова или что-нибудь другое, то мне останется только найти ружье и пристрелить его без зазрений совести. Чтобы Оксанка перестала изводиться и томно вздыхать на кухне, рассматривая фотографию Пашки. Павлик, прости заранее, но мы действительно не хотели натворить ничего плохого. Даже наоборот. Ну не могу я смотреть на то, как Ксюха сохнет.

С самого утра дня «Полунизации» мы с Ксюхой носились, как ошпаренные. Сперва наводили идеальный порядок, а потом вили уютное гнёздышко в ее комнате. Перестелили постельное, расставили свечи, попрятали везде, где только можно презервативы (хоть где-то здравый смысл восторжествовал). Правда лично мне казалось, что две упаковки по двенадцать штук слишком уж много. Особенно с учётом того, что Пашка будет немного не в той форме, чтобы устраивать секс-марафоны на выживание. Ему бы минералки побольше и, возможно, тазик. Но Ксюха тут большой эксперт, и я просто не стала спорить. Раз надо, значит надо. А потом пришли девчонки и мы всей гурьбой пошли закупать продукты. У нас так было принято: девочки отвечают за еду, мальчики за алкоголь. Но – опять это но, – даже здесь хитрые квартиросъемщицы в сговоре заранее прикупили несколько бутылочек волшебного зелья. И три литра гранатового сока. Вообще, мы с Ксю планировали выпить максимум первую бутылку вина, а потом аккуратно переливать в пустую тару гранатовый сок, чтобы самим не нахлопаться до состояния комы. Остальным это не грозило. Ленка с Сашкой с порога заявили, что ночевать они остаются у нас. И Маргаритка тоже прозрачно намекнула, что не против хоть раз упиться до состояния зелёных соплей. Нам с Ксю это было только на руку. Всех баинькать уложим и устроим Полунина допрос с пристрастием.

А вот Левка и Рома... Два человека, которые могли испохабить наш план. Либо не вырубятся тогда, когда Пашка ещё будет в адеквате отвечать, либо споят Ксюхиного «афганца» раньше положенного времени. Ну а это тоже не вариант.

– Блин! – Оксана и так была на взводе, а тут окончательно психует, толкая тележку между рядов в супермаркете. – Алиса, и что теперь?

– А я откуда знаю. Может снотворного им намешаем?

– С алкоголем? А потом откачивать их кто будет?

– Блин! – теперь уже я психую.

Долго роюсь, выбирая свежую зелень и все сильнее убеждаюсь, что звать Леву было не обязательно. Ну не знаю я сколько ему нужно выпить, чтобы вырубиться. Как-то не заходил у нас на эту тему разговор.

– Рита! – зову я близняшку, – А Ромка что пьёт?

– Ну он сказал, что настойку будет. А что?

– Да так. Думаю, какую закуску лучше готовить.

– Алиска, а виноград брать? – Ленка с Сашей выныривают из отдела с фруктами с двумя пакетиками.

– Брат. Только кишмиш или дамские пальчики. Темный не надо, – я почему-то сегодня стала ответственной за список продуктов.

И ещё за спаивание Полунина, и за допрос, и за доставку тела в комнату, и хрен ещё знает за что.

– Маргаритка, можешь пока с девчонками по списку пробежаться? – прошу я и с благодарностью выдыхаю, когда близняшка забирает ненавистную бумаженцию с перечнем продуктов и улетает в фруктовый. – Ксю, Ромке можно водки намешать.

– А если заметит?

– Значит будем понемногу. Поставим бутылку на кухне и, когда он первую уговорит, во вторую плесканем, – сама не представляю, как это провернуть, но Ксюха только согласно кивает. – А с Левкой... Блин...

Я достаю мобильный и набираю его номер.

– Лева, привет.

– Привет. Сегодня все в силе?

– Да. А ты что пить будешь? Мы с девочками просто сейчас в магазине и можем купить огурчики там соленые или ещё чего, – даже пальцы скрещиваю. Так мне хочется услышать всего одно слово.

– Ну... Вообще-то, я пить не планировал. – он понижает голос и спрашивает, – Ты же это хотела услышать, да?

– Блядь! – я едва успеваю закрыть микрофон ладошкой, а сама лихорадочно ищу хотя бы одну причину, чтобы он передумал.

– Алис? Что-то не так? Ты как будто расстроилась или обиделась. – Лева словно стоит у меня над душой и прямо видит, как мне не нравится услышанное.

– Да нет. Просто мы тут столько наготовим, вкусовостей всяких. Ну и вроде как отмечать сдачу сессии собираемся... Может хотя бы капельку? Чисто за компанию, а?

– Если только совсем капельку, – смеётся он. – Вы все равно там будете по-детски.

– Так-то нет, – а вот теперь я уже действительно обижена.

Мне прекрасно понятно, по какой именно причине он не хочет пить, но больше всего корбит от этого «по-детски». И после таких слов его намеки на поползновения уже воспринимаются в штыки. Даже больше. Меня начинает бесить эта градация.

– Значит, чтобы затащить меня в постель, я уже достаточно взрослая, а как выпить – это по-детски? – зло произношу я в трубку, и Ксюха начинает на меня тарашиться так, будто рядом с ней возник сам дьявол во плоти. – Так, Лева?

– Алиса, ты все неправильно поняла... – Лева видимо тоже не особо ожидал, что из упреков меня резко перекинет в нападение.

– Я все правильно поняла. И мне кажется, что тебе действительно не стоит приходить на наш, такой детский, праздник, – я жму на кнопку отбоя, чтобы не слушать его объяснений. – По-детски мы тут значит пить собрались... Тоже мне взрослый...

– Лиса? – Ксю смотрит то на меня, то на телефон, который начинает трезвонить. Левка естественно решил, что перезвонит и все наладится, но я сбрасываю звонок. И потом следующий. И еще три...

– Лев не придет, – жёстко отрезаю я. – Минус одна проблема, Ксюня.

– Алиска, а может не надо, а?

– Блин, где он во мне ребенка увидел? Вот ты мне скажи? По-детски...

– Лисуня, может я ему позвоню? Ну пусть придет. Из-за меня ссоритесь же.

– Ну уж нет! – я решительно перевожу беспрерывно трезвонящий мобильный в бесшумный режим и убираю в рюкзак. – У нас сегодня свои планы. И мы их с тобой сделаем! Пошли закупаться.

6

Я давлюсь гранатовым соком, а наш план трещит по швам по всем направлениям. Кто ж мог предположить, что эта дрянь, так похожая по цвету на вино, будет вязать во рту, как толпа бабулек на фестивале-марафоне по вязке носков, и познакомит меня с изжогой.

– Б-у-э-э, мерзость-то какая! – выдаю я, сделав очередной глоток.

Меня аж всю передёргивает от одного только запаха нашего «винишка», и Ксюхе тоже видимо не сладко. Там, где Ленка с Сашкой уже давно пьяненько хихикают и шушукуются о чем-то своем, а Маргаритка дрыхнет в моей комнате, наши мальчики даже особо не раскраснелись от алкоголя. А «афганец» так вообще покруче стойкого оловянного солдатика и терминатора вместе взятых. Только успевает сало трескаться и салатикам полирует.

«Вот же гад!» – думаю я и кошусь на почти пустую бутылку настойки. – «Сейчас я вам устрою Хиросиму и Нагасаки!»

– Ромка, вам пюрешки ещё разогреть? – спрашивает Ксю, – Там и котлеты остались.

– Я только за. Паш, ты как?

– А почему бы и да? – Полунин поднимается с дивана, – Давайте я вам помогу?

– Нет! Сиди! – почти одновременно говорим мы с Ксюхой и начинаем истерично хохотать.

– Вы бы притормозили немного со своим винишком, – заботливо произносит наша жертва, – Может я за соком сгоняю хотя бы?

– Только сока нам не хватает до полного счастья. – Ксюху аж перекашивает от одного упоминания. – Сиди, мы сами справимся.

– Ну как хотите.

– Алиска, поможешь?

Я киваю и быстренько выскакиваю вслед за подругой. Плотно закрываю за собой дверь на кухне и тихо матерюсь:

– Ксю, они вообще пьянеть собираются? Что за херня происходит? Может мы что-то не так делаем? Ты им во вторую сколько водки налила?

– Треть, – Оксанка достает из холодильника новую бутылку с настойкой.

– Дай мне, – я сворачиваю пробку и выливаю в раковину чуть больше половины.

– Алиска, заметят же!

– Нормально все будет! Грей им котлетосы, Ксюха!

Мне уже плевать на то, что после влитой через воронку водки цвет в бутылке не совпадает с изначальным от слова совсем, а от моей «настоечки» за километр несёт водярой. Ещё пару глотков гранатового сока и я реально схохну от изжоги. Обоих спою!

Микроволновка пищит ровно в тот момент, когда я заканчиваю отмывать бутылку с коктейлем под холодной водой.

– Должно сработать, Ксюня! Просто обязано!

Мы открываем дверь и идём обратно в комнату. Ксюха с большой тарелкой, в которой лежит пюре и оставшиеся котлеты, а я с бутылкой страшного пойла для исключения Ромки и Полунина. И у входных дверей сталкиваемся с Ленкой и Сашкой.

– Вы чего тут шарахаетесь? – грубо спрашивает Оксана, но они даже не замечают ее тона и продолжают подленько хихикать. – Ну?

– Алиска, ты только не злись, хорошо? – улыбается Ленка.

– Ну пожа-а-а-алста!!! – Сашка хлопает ресничками и открывает замок, когда в дверь негромко стучат.

– Кто там? – спрашиваю я, – Вы кого ещё позвали, козы?

– Сюрприз! – весело кричат они, распахивая дверь, а у меня внутри обрывается последняя надежда вытащить из Полунина правду.

– Привет, Алис, – виновато произносит Левка, перешагивая порог и протягивая пакет, в котором громко позвякивают бутылки. – Я тут подумал... В общем, я виноват.

«Здравствуй, жопа, Новый год! Вот только тебя мне сейчас не хватает для полного счастья!»

– Пустишь? – спрашивает он, но ответить мне не дают две хитрованки.

Они тащат его за руки в комнату, наперебой рассказывая, как я тут без него скучала. Я? Скучала? Seriously?

– Пиздец. – тихо выдавливаю я и прислоняюсь к стене. – Его только не хватало.

– Да ладно тебе, Лисюнь. – Ксюха обречённо машет свободной ладошкой. – В следующий раз спросим. Хорошо? Сама же видишь, что один хрен ничего не получается. А так хоть вы помиритесь.

– Как будто мы ссорились.

– Ну тем более. Пойдем кормить твоего Льва. Наверное, голодный пришел.

– Угу. Знаю я до чего он голодный, – бурчу себе под нос и медленно, как на казнь, плетусь за Ксюхой.

А в комнате Лева уже тянет руку Ромке и судя по тому, что близняшка встаёт, придерживаясь за стол, точка невозврата для него уже достаточно близка. Я только качаю головой и ставлю перед Левкой чистую тарелку (вилку сам возьмет, не маленький), а потом наливаю себе полный бокал вина.

«Так облажаться... Молодец, Алиса! Просто молодец! Ведь чуточку времени не хватило...» – пью до дна и снова тянусь к бутылке под внимательным взглядом Ксюхи.

Никакой справедливости, так хоть набухаюсь с горя.

Ромка выключился через полчаса. Выпил стопочку за Старца, закусил и шелк. Мы даже не сразу поняли, что он уснул. Вообще не понятно, как он с табуретки не грохнулся. И хоть тут я немного добрее стала смотреть на Левку – он помог оттараканить бесчувственное тело и уложил его рядышком с сестрой. Как мы планировали самостоятельно тащить Пашку, если даже худенького близняшку пришлось тащить втроём? Он словно потяжелел раза в три.

– Алис, не обижайся, – шепчет Лева, накрывая близняшек одеялом. И тихонько смеётся, когда Ромка начинает причмокивать губами. – Он вообще пить-то умеет?

– Опять начинаешь? – я облакачиваюсь о дверной косяк и скрещиваю руки на груди. – Ну давай, расскажи, как это делают взрослые?

– Алис, ну вот что ты заводишься на пустом месте? – Левка мотает головой.

– Нет. Давай, объясни уже! Как вы «взрослые» отмечаете?

– По крайней мере взрослые не напиваются в доску! И знают, где их граница.

– А может я специально его так напоила. А? Может, лично мне нужно, чтобы Ромку вырубил, – я злюсь.

Не на него, а на себя. Злюсь, что не получилось напоить Пашку, что ничего не узнаю и не помогу Ксюхе.

– И зачем? – Лева смотрит на меня снизу вверх – он опустился на край кровати и теперь сидит напротив.

– Надо! – выдаю я. – Какая тебе разница?

– Ну, если бы я знал зачем, то смог бы быстрее это сделать.

– Да ладно? Ещё скажи, что Пашку накачаешь так, чтобы он... чтобы... – я запинаясь и опускаю глаза.

– Чтобы что? Ну?

Не знаю зачем я ляпнула ему про Пашку. Может быть, чтобы зацепить побольнее, а получается, что и зацепить-то не получилось. И теперь стою, кусаю губы, решая стоит ли его посвящать в свои планы.

– Чтобы он рассказал, есть у него кто-то или нет.

– М-да... А тебе-то от этого какая польза? – Лева поднимается и медленно подходит ближе. – Колись уже до конца, Алиса.

– Ксюхе надо.

– У-у-у-у... Как у вас все тут запущено, – он тихо смеётся и выходит в коридор. Обращается, – Лену с Сашей тоже надо до состояния коматоза?

– Ну да.

– Ясно, – Левка пристально смотрит на меня и выдает, – Пошли. Через часик ваш Паша сам все выдаст, а потом даже и не вспомнит.

– Правда? – удивлённо спрашиваю я.

– Типа того, – он подмигивает мне и зайдя в комнату спрашивает у девчонок, – А вы когда-нибудь пробовали «Ирландскую глубинную бомбу»?

Это какой-то полный трешняк, и я ни за что в жизни не буду пить с Левкой. Одному богу известно, что он там намешал и в каких пропорциях, но результативность ошеломляет.

После его «бомбочки» Ленка с Сашкой сладко сопят и выглядят такими счастливыми, как будто каждая только что выиграла по миллиону долларов. А нашего неприступного «афганца» все же подкосило.

– Прикольная хреновина, – выдает Пашка, опустив стакан на стол со второй попытки и долго фокусируясь на блюдечке с салом.

– Повторим? – Левка смотрит на часы и показывает нам растопыренную пятерню.

– Попозжа, – Полунин тянется вилок к белым кусочкам сала и икает. – Пардон. Кажется мне надо подышать воздухом.

– На балкон не советую, – пальцы медленно загибаются, отсчитывая последние секунды адекватного мировосприятия у Полунина.

– Ну тогда пойдём на улицу?

Лева поднимается, Паша как-то грустно вздыхает и тоже пытается встать. Его скашивает прямо у нас на глазах. И к тому моменту, когда мы втроём все же поднимаем его с дивана, он едва переставляет ноги.

– Готов, – весело ухмыляется Левка. – Куда тащить партизана на допрос?

– Что? – Ксюня удивлённо смотрит на меня, и я только виновато жму плечами:

– Ну, я ему рассказала. Зато помогло.

– Вы рожайте быстрее, пока он ещё хоть что-то может.

– Ой! Лева, ко мне в комнату его, – Ксю срывается вперед показывать дорогу и открыть дверь.

– Тяжелый, зараза! – Лева бережно укладывает «афганца» на постель и хмыкает, оценив романтическую обстановку в Оксаниной комнате. – Не. Боюсь на продолжение вечеринки он уже не потянет. – несколько раз хлопает Пашу по щекам и когда он открывает глаза спрашивает, – Паш, может позвонить твоей девушке, чтобы она не волновалась?

– А? – Полунин едва двигает глазами и медленно расплывается в улыбке. – Не. Я сседа предру... пердупре..дил, крче.

– А девушку? Аллю! Не спим! – Лева снова пару раз звонко хлопает Полунина по щекам.

– Да отвали ты! Нету ее. Вообще, – «афганец» медленно переводит затухающий взгляд на Ксюху и вздыхает перед тем как провалиться в небытие.

– Окончательно готов, – Левка смотрит на часы, а потом на меня. – Все довольны?

– Спасибо, Лева, – тихо шепчу я, виновато отводя глаза.

– Ладно, – он хлопает ладонями по бёдрам и встаёт. – С вами хорошо, но я потопал. Этому на утро водички побольше. А лучше – жижу от консервированных ананасов.

– Может ты с нами посидишь? Ну или хотя бы поешь? – Ксюня светится, как новогодняя ёлка.

– Не, у вас тут и так без меня хлопот хватает.

Левка медленно идёт к дверям и натягивает кроссовки.

– Веселые вы... Пока, Алиса.

– Пока.

Замок на входной двери тихонько лязгает язычком, а мне становится как-то погано на душе. Ещё и Ксюха начинает дергать своими вопросами: «Чего не остановила? Чего сама не предложила остаться?» А я себе даже ответить на это не могу, не то чтобы ей. Ну вот не предложилось и все тут.

– Ксюнь, давай утром поговорим? Лучше пошли Ленку с Сашкой нормально уложим и со стола уберем.

7

Если честно, то я немного не понимала, что происходит. Там, где по факту должна была обижаться я, вышло так, что обиделся Левка, и от этого несоответствия в логике у меня голова медленно пухла и раздувалась до боли в висках. Третий день он ограничивался исключительно разговорами по телефону. Сухие, короткие фразы. Никаких – вообще никаких – намеков на встречи, хотя раньше этого за ним не замечалось даже когда по диплому была полнейшая задница. А тут:” Алиса, мне нужно готовиться. Давай завтра созвонимся?» Словно решил наказать. Или поиздеваться. Вот только не понятно за что именно. Ксюха и та только пожала плечами, когда я ей вывалила все на кухне.

– Ну может он действительно занят. Сама подумай – у него защита диплома на носу, – сказала она, вертясь перед зеркалом.

Полунинское признание окончательно развязало ей руки, и теперь Ксю ни на минуту не оставляла неприступного «афганца», приучая к своему присутствию и усиленно мотивируя на дальнейшее развитие таких странных отношений. Новый сарафанчик, настолько скромный, что Оксанка в нем казалась чуть ли не наивной пай-девочкой, а не хитрой охотницей, балетки, чтобы быть еще чуть-чуть пониже, и две косички – ну просто сама милота.

– Пойдешь с нами! – Ксю смотрит на меня через зеркало, едва тронув губы прозрачным блеском, – Чего дома сидеть и чахнуть?

– Не. Только мешаться вам буду. – отмахиваюсь я. – Тем более я собиралась идти объявления расклеивать.

– Ну вот с нами и расклеишь! Втроем быстрее все же. Давай, собирайся быстрее! Я дома тебя не оставлю.

Такая вот Оксанка упертая, как баран. И пока я распечатываю на принтере объявления, она уже переворачивает шкаф вверх дном и достает одно из моих самых любимых платьев – связанное из огромных ромашек.

– Класс! – цокает она языком, – Пусть Пашку твой наряд чуточку шокирует, ладно?

– Ксюха, вот ты хитрожопа... – смеюсь я. – Решила на моем фоне в еще большую скромницу заделаться?

– Ну допустим, – Ксю улыбается во все тридцать два зуба.

– Сиськи тогда замотай, скромняшка.

– Задницу подкачай, собачатница! – парирует она и подмигивает, – Ну тебе сложно что-ли?

– Знаешь, – я встаю, прикидываю платье и достаю белые туфельки с верхней полки, – Если Полунин будет на меня пялиться и позовет замуж, то пеняй на себя! Соглашусь, не раздумывая.

– Полунин и пялиться? – она хохочет, – Алиска, ты сама-то хоть веришь в это? Полунин. Пялится. Ага.

– Не-а. Но предупреждаю заранее.

– Переодевайся уже. Предупредительная лиса Алиса.

И как бы ни брыкался Пашка, как бы ни старался устроить показательное проявление своей «независимости», какой-то подсознательный интерес к происходящему вокруг его персоны все же брал верх. Словно он осторожно присматривался, принимался, пробовал на вкус еще непонятное для него внимание Оксанки. А она со счастливой улыбкой ослабила поводок «афганца», дав возможность убежать подальше. Вроде бы и не ограничивает, но в то же время, не дает смыться в прекрасное далеко. Максимум до ближайшего столба – наклеить мое объявление.

– Полная задница какая-то, – вздыхаю я и тяну объявление девушке, идущей мимо нас с алабаем. – Возьмите, пожалуйста.

Бело-рыжая махина на поводке даже не поворачивает головы и продолжает неторопливо топтать вперед. Притормаживает лишь через пару метров, оборачивается и смотрит на свою хозяйку так, словно спрашивает: «Ну ты долго там еще?» Классная собака. Мне нравятся такие огромные крепыши. Вот только чтобы его завести, нужно, как минимум, сперва занять свой дом с двором побольше. В квартире алабайке будет очень тесно.

– Охренеть лошадь! Алиска, это кто? – спрашивает Ксю, испуганно прижавшись в Полунину.

– Алабай.

– И ты с таким гулять тоже пойдешь?

– Ксюха, я сейчас с любой собакой гулять пойду! – мне даже смешно от того, как она шарахается от алабая. Будто ему только и нужно, что сожрать первого встречного прохожего и закусить вторым. Желательно пожилистее. – Вообще, алабаи добрые.

– Ну да, – Ксю оборачивается и смотрит вслед удаляющемуся псу. – Сожрёт и не заметит.

– Ой, тебе что-то объяснять... – я только мотаю головой и спрашиваю Пашку, – Тебя тоже сожрут?

– Ну они же вроде как сторожевые? – Полунин тоже оборачивается. – Я б такую завел. Мощная.

– Ты совсем шибанулся? А сколько она жрёт, представляешь? – Оксанка дёргает Пашку за руку, – Пошли! Завел бы он себе...

Я едва сдерживаюсь, чтобы не засмеяться. Ксюха одним предложением сдает себя с потрохами, и мне уже кажется, что ее планы на счёт Полунина не ограничатся простой констатацией факта, что она смогла его охмурить. Видимо в ее головушке уже отчётливо звучат первые нотки марша Мендельсона, а сама Оксанка примеряет на себя пышное белоснежное платье и Пашкину фамилию.

«Оксана Полунина.» – улыбаюсь одними губами, но что-то внутри подсказывает: если Ксю добьется своего, то Пашка потом будет жить, как у Христа за пазухой – котлетки, борщи и пирожки по выходным. Она даже на алабайку согласится. Если «афганец» все таки прозреет и заметит, что Ксюха светится от счастья из-за того, что идёт с ним рядом, а не потому что погода замечательная. Наш скромняга, сам того не зная, умудрился зацепить ее по самое не балуй. Если сперва она спаивает его ради одного ответа, а потом выхаживает похлеще малого дитя. Анальгинчик, аспиринчик, минералочка... Даже за консервированными ананасами сбегала с самого утра. Правда и Ромке купила вторую банку, но это уже так. Чтобы откровенно не спалиться со своей заботой. Кто бы сказал мне полгода назад, что эта оторва будет так заморачиваться по поводу самого скромного парня со всего потока, не поверила бы и гоготала бы в голос:

– Оксанка? Да идите вы лесом! Да никогда в жизни!

Уж кому-кому, а ей париться по поводу мужского внимания вообще не надо было. И свистеть не придется – всегда кто-нибудь постреливает интересующимся взглядом. М-да... Ситуация.

– Возьмите, пожалуйста, – я снова протягиваю лист с объявлением и чуть не поскуливаю от зависти.

Мужчина средних лет гуляет с тремя блаухаундами. С тремя сразу! «Дайте мне хотя бы одного. Ну пожалуйста! Я не хочу лопать поводки! Ну хоть кто-нибудь!»

Когда у тебя в кошельке остаются жалкие крохи, начинаешь распинывать себя вообще без капли сострадания. И даже блюющий Бонька не кажется таким уж страшным засранцем. Ну любит он хомячить все, что только попадетс ему в поле зрения. Вот такая слабость у этого бульдожки. Полунина же за любовь к салу никто не кошмарит? Но Боню-Бенедикта на все лето

увезли на дачу, и теперь его гурманство выйдет на новый уровень. Обожрет все, что только можно. Ну и ублюет, скорее всего, тоже все. Мария Сергеевна даже толком и не узнает. У тетки там огурчики и помидорчики в теплице, картохи бескрайнее поле. Пока все это выполнешь, польнешь, Боня уже сто раз оклемается.

– Эх... – я вздыхаю с такой тоской, что жить не хочется.

Вот как так можно?

– Держи, Алиса, – Пашка тянет мне рожок мороженого, – Не кисни. Все норм будет.

– Спасибо, Паш.

Даже не заметила, как он куда-то отходил. Вообще, Пашка – мировой человек. И мороженку купил, и свою половину объявлений раздал-расклеил, а теперь остатки моей стопочки забрал и усвистал к трем собачникам в дальнем конце поляны. Вот только от дальнейшего созерцания проявления такой помощи меня отрывает звонок мобильного.

– Да, – тихо произношу я.

– Простите за вопрос, это «La familia» или я ошибся номером? – спрашивает мужской голос.

– Да, – отвечаю и чуть не подскакиваю.

Даже пальцы, сжимающие вафельные рожок скрещиваю.

«ПОЖАЛУЙСТА! ПОЖАЛУЙСТА! ПОЖАЛУЙСТА!»

– Да ошибся, или да «La familia»? – мужчина на другом конце негромко смеётся.

– «La familia». Меня зовут Алиса и я вас внимательно слушаю.

– Добрый день, Алиса. Если я правильно понял из описания услуг вашей фирмы, то вы можете присмотреть за собакой? Вы ведь это имели в виду под словом «компаньон»?

– Да. Абсолютно верно, – киваю я и взглядом прошу Ксюху тоже скрестить пальцы.

– Замечательно. Тогда, если вы позволите, я уточню. Поездки к ветеринару идут отдельной строкой или уже включены в стоимость?

– Извините, а как я могу к вам обращаться?

Если честно, то я вообще ничего не помню про «Компаньона». Подлю скопировав названия услуг с американского сайта, прогнала через онлайн-переводчик и поправила сильно бросающиеся в глаза кривые фразы вроде «гулять собака» и «ехать доктор». А теперь похоже придется придумывать все на ходу.

– Можно просто Ярослав.

– Очень приятно, – чуть-ли не силой выдираю у Ксюхи телефон и лезу на одну из страничек «La familia» в соцсетях, чтобы задохнуться от цифры стоящей напротив графы «компаньонства». – Да, посещение ветеринара уже включено. Если вдаваться в подробности, то здесь и выгул собаки, и кормление. По желанию заказчика можно включить купание или посещение грумера, но услуги последнего уже оплачиваются дополнительно.

– Э-э-э, простите. Я не силен в вашей терминологии, но грумер – это кто? Или что?

– Парикмахер для собак.

– Ясно. Грумера нам не надо, – мужчина смеётся, а потом задаёт вопрос, который ставит меня в тупик. – Алиса, на сколько плотная у вас запись?

– Вас интересует какой-то определенный день? – зачем-то спрашиваю я, хотя прекрасно знаю, что до середины июля и возвращения колляшек у меня полнейшая пустота, но признаться в этом сейчас?

– Меня интересует месяц. С завтрашнего дня. Если бы вы смогли как-нибудь перекрыть свое расписание... Я прекрасно понимаю, что вам возможно придётся совершить несколько звонков и передвинуть других собак, но сейчас у меня безвыходное положение и я готов заплатить за срочность. Извините, я вам сейчас перезвоню. Буквально через пару минут.

И я ошалело смотрю на свой телефон.

– Ну? – спрашивает Ксюха. – Алиска? Ну чего? Есть собака на выгул, да?

- Ксюнечка... Компаньон на месяц, – выдыхаю я, не веря своим словам.
- Это ведь хорошо, да?
- Это офигеть как хорошо, Ксюня!
- И чего, и когда? – спрашивает она.
- Вроде как завтра. Он сказал, что сейчас перезвонит.
- Так. Тогда выдохни, успокойся и не дергайся. Ты профессионал! Поняла?
- Ага, – киваю я. И вздрагиваю, когда телефон снова начинает звонить. – «La familia», Алиса, добрый день. – скороговоркой выпаливаю в телефон и слышу уже знакомый голос:
 - Приношу свои извинения, Алиса. Срочный звонок. Так на чем мы остановились? – мужчина на мгновение задумывается, – Ах, да... По поводу срочности. Тридцать процентов сверху вас устроит? Аванс я могу перевести уже сейчас.
- Я сперва киваю, судорожно сглатываю, представив окончательную сумму, и лишь потом говорю:
 - Да.
 - Замечательно. Тогда завтра вас будут ждать.
 - Подождите, Ярослав. Мне же нужно уточнить, что именно за собака и куда ехать. Привычки. Может есть какие-то аллергены или запахи, на которые ваша собака плохо реагирует. Да хотя бы кличку для начала.
 - Люцифер.
 - Что? – на меня словно ушат ледяной воды вылили, – Простите, я правильно расслышала? Люцифер?
 - Абсолютно верно. Люцифер.
 - А порода? – я сейчас мысленно представляю всех самых злых собак на свете, которым можно дать такую кличку. Но даже питбуль Град – это просто Град, а не Люцифер.
 - Золотистый ретривер.
 - Э-э-э... Ярослав, простите за нескромный вопрос, но почему именно Люцифер?
 - Латынь. В переводе означает: «Несущий свет». – он смеётся так, словно рассказал мне очевидную вещь, – Алиса?
 - Да-да, я здесь, – сказать, что я шокирована, значит ничего не сказать. Я только хлопаю ресницами и лишь шепот Ксюхи выдерживает меня обратно:
 - Алиса, привычки! – дёргает меня она.
 - А какие привычки у Люцифера? – спрашиваю я.
 - Как у всех собак. Любит гулять, играть, слушать, когда ему читают...
 - Простите, что перебиваю. Ярослав, это ведь сейчас шутка про чтение? Кто вам дал мой номер телефона?
 - Я вас чем-то обидел, Алиса? – голос мужчины абсолютно спокоен, и сколько бы я не прислушивалась, ни разу не настроен на розыгрыши. – Люцифер действительно любит, когда ему читают. Думаю, вы сами в этом сможете убедиться. Возможно не завтра, а немного попозже. Сейчас мы только едем с клиники. Ему наложили несколько швов. Ничего серьезного, но мне будет спокойнее, если кто-то за ним присмотрит, пока я не дома. Вообще, неудачно получилось с этой поездкой.
 - А что случилось?
 - С Люцифером?
 - Да.
 - Напоролся на корень.
 - Кошмар, – у меня холодеет в груди. И если на чистоту, я всегда переживаю за животных больше, чем за людей. Даже в фильмах. Человек хотя бы может сказать что и где у него болит.
 - Бывает и такое, – Ярослав несколько секунд молчит, – Да. Лекарства я все выкупил, по кормлению у вас вопросов не возникнет: я объясню все Фаине. Через неделю нужно будет

сездить показаться врачу, а до этого обрабатывать швы. Думаю, в этом особых сложностей не будет. Люцифер достаточно спокойный.

– Хорошо.

– Алиса, в плане аллергий вроде бы ничего такого нет. По крайней мере раньше никаких проблем не было. Вы спрашивайте. Может я что-то пропустил?

– Нет. Мне все понятно. Тогда завтра я приеду с утра и вы меня познакомите с собакой?

– К сожалению у меня не получится. Я сегодня вечером вылетаю, – Ярослав тянет паузу, – Фаина вам все покажет и расскажет.

– Хорошо. Тогда мне нужен ваш адрес.

– «Сосновое» двадцать три, – он облегчённо выдыхает, – Давайте я пришлю за вами такси? А на въезде оставлю пропуск.

– Подождите. А зачем мне пропуск и такси? Я знаю, где Сосновая улица. Мне идти буквально десять минут.

– Сос-но-вое, – по слогам произносит Ярослав. – Частный поселок.

– Понятно, – киваю, хотя по факту все равно не понимаю ничего. – Тогда действительно будет лучше такси.

Я диктую ему адрес и прощаюсь. Убираю телефон в сумочку и визжу так, что даже Пашка оборачивается.

– Ксюня, у меня собака! Собака!

– Да тихо ты! – хохочет она.

– Сама ты тихо! – я скачу от счастья ещё несколько минут, а потом спрашиваю, – Ксюнь, а где находится «Сосновое»?

8

«Сосновое». Как много в этом слове для сердца девичьего слилось. Как много в нем с ума сошлось...

– Это триндец! – тихо выдаю я, прилипнув к стеклу.

Вчера Пашка нагуглил картинки в Интернете про «Сосновое», но одно дело картинки и другое – проплывающие за окном реальные дома. Домищи! Один другого круче. Словно в этом «частном поселке» сконцентрировались все деньги города. И охрана на въезде, как подтверждение, что простым смертным сюда дорога закрыта наглухо. Заработаешь пару миллиардов, вот тогда милости просим, а пока будь добр показывай, что в рюкзачке везёшь, и не выеживайся! Ну и теперь становится понятным, почему вместо привычного «Рено» с шашечками у подъезда с утра стоял «Лексус». Понятие такси, видимо, тут тоже было чуточку другим. Когда живёшь в доме, похожем на средневековой замок, ездить можно исключительно на кожаных сиденьях и с личным водителем. Я вообще не представляла, что у нас есть такси такого уровня. Строгая форма, фуражка, «Доброе утро. Прошу вас» и предупредительно открытая дверь. Мамочки мои, куда я попала? Это сон? А у меня джинсам второй год. Триндец!

Двадцать третий дом стоит в самом отдаленном конце «Соснового». Высокий забор из белого камня, увитого плющом, выглядит настолько массивным, что даже страшно представить, что за ним скрывается. А «Лексус» въезжает в открытые ворота и шуршит колесами по гравию дорожки, ухоженной настолько, что кажется каждый камушек на ней выкладывает специально обученный человек исключительно в строго отведенное место. И ведь, что самое смешное, не видно никого, но огромная клумба перед парадным входом в дом сама собой не будет такой идеальной. Как минимум, садовник тут есть. А то и два – газон тоже кому-то надо стричь. Я тихонечко присвистываю, когда машина останавливается перед лестницей в пять ступеней, ведущей к высоким дверям, и выхожу, окончательно проникаясь масштабностью и безумной стоимостью всего вокруг. Там, где мне казалось счастьем получить месяц сопровождения собаки, человеку это просто стоило чуть меньше, чем Пашке купить мороженое. Вот тебе и разница в доходах.

– Доброе утро. Вы Алиса? – спрашивает меня женщина лет пятидесяти, вышедшая из дома.

– Да, – киваю я, – Здравствуйте, Фаина...

Мне кажется неправильным называть ее просто по имени. Во-первых, она гораздо старше меня, а во-вторых, если передо мной хозяйка этого дома, то стоит быть культурной и вежливой. Вылететь в первый день из-за глупости, честно говоря, не хочется. Про закидоны у богатых людей Ксюха вчера сто раз говорила.

– У нас все по простому, Алиса, – Фаина тепло улыбается, словно прочитав мои мысли, – Все друг друга называют по именам, без отчеств и перечисления регалий. Пойдёмте, я покажу вам дом и вашу комнату.

– Простите? – я поднимаюсь по лестнице.

– Ярослав оставил вам письмо, в котором всё объяснил. По крайней мере, он мне так сказал, – она заходит в дом первой и обводит рукой комнату, размерами больше напоминающую спортивный зал, – Это первый зал. Слева – столовая, а за ней кухня. Меня чаще всего можно найти там. Дальше подсобные помещения, но они вам будут не интересны. Справа гостевые комнаты и бильярдная.

Фаина подходит к камину, поднимает с полки над ним два конверта и протягивает мне:

– Ярослав оставил это для вас.

– Спасибо.

– Так. Дальше по первому этажу у нас обеденная зала, но сейчас там все собираются только по праздникам, а когда родители Ярослава уехали в Испанию, так вообще практически не используется, – Фаина кажется расстроена этим, но все же открывает двери и я вижу просторную столовую, в которой вся мебель затаята в чехлы. – Пойдёмте на второй этаж?

– Да.

– На втором этаже правое крыло – спальни хозяев, кабинеты и библиотека, а левое опять же предназначено для гостей близких семье. Родители Ярослава даже обставляли их, исходя из предпочтений своих друзей, – Фаина поднимается по лестнице и открывает первую дверь. – Эту комнату приготовили для вас.

Я заглядываю внутрь и невольно улыбаюсь. Не знаю кто именно тут жил, но определенно это была девушка. Мягкие теплые цвета, тонкие резные ножки у стульев, стоящих рядом с небольшим столиком, и лёгкая полупрозрачная тюль, покачивающаяся от ветерка, пробирющегося с широкого балкона, на котором едва угадываются силуэты двух плетеных кресел и чайного столика.

– Спальня и ванная комната, – поясняет Фаина, показывая на две двери по левую руку, – Мне кажется, вам понравится.

– Очень, – согласно киваю я.

– Ну вот, наверное, это и все. Остальное не так интересно. Пойдёмте знакомиться с Люцифером? Он сегодня не в настроении. Как Ярослав вчера уехал, так и не выходит из его кабинета.

От того, каким тоном это было сказано, мне сразу становится ясно, что женщина переживает за собаку чуть ли не больше, чем за маленького ребенка, и я практически уверена – с ней мы быстро найдем общий язык.

Фаина полностью открывает дверь и заходит в темную комнату.

– Вот здесь и спрячется со вчерашнего дня. Не ест, не пьет. Может хоть вы его растормошите, – она манит меня за собой к массивному креслу, стоящему к нам спинкой. – Люцифер, познакомься.

– Привет, – я обхожу кресло и опускаюсь на корточки рядом с лежащей на нем собакой. – Скучаешь?

Ретривер лишь мельком смотрит на меня и отворачивается.

– Вот так и лежит, – вздыхает Фаина.

– Скучает, – я аккуратно трогаю кончик носа Люцифера, чтобы проверить температуру. – Фаина, а можно посмотреть на лекарства? Ярослав вчера говорил, что купил все.

– Сейчас принесу.

И пока она ходит, решаю посмотреть содержимое конвертов. В одном лежат деньги, а во втором лист, сложенный втрое.

«Добрый день, Алиса. К сожалению, я забыл уточнить номер вашей карты, поэтому во втором конверте оставляю аванс. По поводу оставшейся суммы – думаю, обговорим чуть позже. И если Вам будет удобнее получить ее наличными, я передам Фаине, чтобы она рассчиталась с Вами в последний день. По поводу лекарств для Люцифера. Ветеринар выписал ему антибиотики на случай повышения температуры, но если ее не будет, то лишний раз пичкать его таблетками не стоит. Достаточно просто обрабатывать швы.»

Фаина должна была показать комнату, которую я попросил приготовить для Вас. Не считите это за бестактность. Мне показалось, так будет намного удобнее и Вам, и Люциферу. Так он будет меньше переживать, что еще один человек куда-то исчезает. Если Вам этот вариант не подходит, то Фаина оплатит все расходы на такси и договорится с охраной, чтобы машину пропускали к дому. С утра будет достаточно показать на въезде пропуск, который я Вам оставил. По поводу питания – Фаина будет только рада, если Вы ей

составите компанию. Готовит она великолепно. Так что, не стесняйтесь. И спасибо, что помогаете мне с Люцифером. С уважением, Ярослав.»

Если честно, то я ловлю себя на мысли, что сижу и улыбаюсь. Во-первых, мне никто не писал письма. Во-вторых, Ярослав, кажется, предусмотрел все до самой последней мелочи, даже про аванс запомнил. В-третьих, меня ни к чему не обязывала приготовленная комната. Если хочу, то вечером спокойно еду домой. Ну и самое главное осталось на десерт – Люцифер для Ярослава ни разу не просто собака. И мне это очень нравилось. Как и почерк со старомодными завитушками.

– Ну вот, видишь, хозяин о тебе так переживает, а ты тут решил в буку превратиться, – негромко говорю я Люциферу, показывая письмо. – Моську отвернул, хвост повесил... Еще и есть отказываешься. Ай-ай-ай! Кто так поправляться собрался, а? Поедем с тобой к врачу, и что я ему скажу, когда он спросит про такое настроение?

– Алиса, вы с ним разговариваете совсем, как Ярик, – Фаина стоит в дверях и улыбается. – Извините, случайно подслушала.

– А у нас секретов нет, – улыбаюсь в ответ, – Мне сказали, что тут собака, которая свет несет, а она на кресле грустить вздумала. Так не пойдет, Люцифер. Ты как хочешь, но я это дело так не оставляю. – я смотрю на женщину и спрашиваю, – Фаина, вы сегодня ему швы обрабатывали?

– Нет еще. Ярослав сказал, что доверяет это вам. Я, максимум, могу подержать Люцифера, чтобы он не дергался. А вот обрабатывать... Вы уж простите, но от вида крови мне плохеет.

– Тогда мне бы руки помыть для начала где-нибудь.

– Пойдемте, я покажу.

После того, как я несколько раз съездила в ветеринарку с Бонькой, у меня в голове отчетливо запомнилась фраза врача, что животные прекрасно чувствуют, когда ты боишься сделать им больно, и начинают дергаться уже от этого. Поэтому во время тщательного мытья рук по локоть мысленно настраиваю себя на предстоящую обработку. Ксюха же мне сказала, что я профессионал? Так? Так! Значит сейчас профессионально все сделаю и не поморщусь. Тем более переложить все равно не на кого, а переть собаку ради пары минут в ветеринарку... Сама сделаю. Вытираю руки полотенцем и мысленно ставлю плюстик в карму Ярослава – он купил стерильные перчатки, которые я натягиваю уже с видом прожженного ветеринара.

– Ну-ка, давай посмотрим, что тут у нас, – говорю я Люциферу после того как подложила под него одноразовую пленку.

Раз с кресла он слезать не хочет, то на первый раз процедурную устроим прямо на нем. Ретривер только недовольно ворчит, когда я развязываю узелки бинтов, удерживающих повязку на его брюхе и осторожно отгибаю краешек.

– Фаина, там был «Хлоргексидин». Можете его открыть и дать мне?

– Конечно, – женщина быстро находит среди разложенных на столе лекарств бутылочку и передает ее мне.

Я щедро поливаю место, где повязка «прилипла» к шву и жду пока она отмокнет. Аккуратно тяну на себя, тихонько приговаривая:

– Умница Люцифер. Хороший мальчик. Сейчас еще быстренько все тут обработаем... Вот так... И совсем не страшно... Фаина, можно «Левомеколь» на чистую марлю? Спасибо. Вот умница. Еще немножко осталось. У кого тут пузико побрили? У Люцифера. Нельзя! Кто тут вылизывать собрался? Фу! Умничка! Давай-ка немножко тебя замотаем снова.

У меня сперва немного дрожат руки, но постепенно волнение испаряется. И большая заслуга в этом у Люцифера. Он спокойно переносит весь процесс там, где другие собаки давно бы уже начали ерепениться. Только в самом конце тянется мордой к шву, но тут же

отворачивается, услышав команду: «Фу!» Золото, а не собака. И я заканчиваю перевязку уже настолько спокойно, что даже сама диву даюсь.

– Умница, Люцифер. Еще бы поел, хотя бы немножко. Не хочешь? Ну ладно. Лежи, отдыхай. Хороший мальчик. Попозже сходим с тобой на улицу, договорились?

Безусловно в клинике бы все сделали гораздо быстрее и наверняка качественней, но Фаина смотрит на мое кривое творение с бантиками чуть ли не с восторгом. А я собираю остатки старой повязки в пакет и стягиваю перчатки. Вечером попробую заранее все подготовить, чтобы не мучать собаку лишние минуты.

– Алиса, а вы по образованию ветеринар или медик? – спрашивает женщина.

– Нет. Я ещё учусь, но не на ветеринара. Химик-технолог.

– А где вы так научились? – Фаина показывает на повязку.

– Вообще, если честно, то это первая.

– Так сразу и не скажешь, – она улыбается, когда я застегиваю на шее Люцифера пластиковый конус. – Может быть чаю? За успешную операцию.

9

Дома я часто слышала, что первое мнение не всегда самое точное. Даже скорее всего чаще оно ошибочное. И человек может оказаться совсем не таким, каким кажется при первой встрече. Может в этом и есть смысл, а может, мама просто хотела этим нехитрым способом предостеречь меня от излишней доверчивости. Но, видимо, в каждом правиле есть исключения, и женщина, которую я сперва посчитала хозяйкой дома, мне нравилась все больше и больше. Она прямо располагала к себе своей какой-то искренней простотой и доброй улыбкой. Фаина привела меня на кухню, поставила чайник на плиту, и пока он грелся, переложила с противня на тарелку печенюшки с кусочками шоколада.

– Алиса, ты не стесняйся, угощайся, – сказала она, переходя на ты.

Я попробовала ещё теплое печенье, и оно оказалось триндец каким вкусным. Таким, что мои глаза уже нацелились на следующее.

– Бери-бери. Печенье тут долго не залеживается, – Фаина улыбается и поддвигает тарелку ближе ко мне. – Ярослав сказал, что судя по голосу, придет молоденькая девушка. Сколько тебе лет? Двадцать?

– Двадцать один, – отвечаю я, облизав губы от крошек, а она смеётся в ответ:

– Ну не велика разница. Это мне в сорок восемь уже критичен каждый дополнительно накинутый год и хочется как можно дольше побыть моложе. А тебе ещё лет пятнадцать даже не стоит думать об этом, – она смотрит на меня с какой-то хитринкой во взгляде. – Куришь?

– Нет.

– И правильно, – Фаина разливает по кружкам чай и присаживается рядом. – А с алкоголем как?

И мне кажется, что это начинает смахивать на какой-то допрос. Ещё бы лампу с ярким светом, бьющим в глаза, и печенье убрать подальше. Но... Вместо лампы в окно светит яркое солнышко, печенье никто не прячет, а следовательно неторопливо попивает чай из кружки и негромко смеётся.

– Алиса, я просто спросила, – Фаина звонко смеётся. – Мне интересно кто ты. И если любишь это дело, – она щелкает пальцем по горлу, – То спрячу весь алкоголь под замок.

– Не нужно ничего прятать, – я почему-то начинаю улыбаться, хотя можно и даже нужно обидеться. – Максимум пару бокалов вина. И то только в хорошей компании и под хорошую закуску.

– Красное или белое?

– Наверное, красное.

– Тогда на ужин лучше приготовить что-нибудь мясное?

– Ну, видимо, да? – я уже вообще не понимаю что за абсурд сейчас творится, а Фаина кивает:

– Договорились.

Буквально минуту я сижу с открытым ртом и только удивленно хлопаю ресницами, а потом мы вместе начинаем хохотать.

– Ну вот и познакомились, – женщина приподнимает свою кружку и вдруг резко замирает. – Так. Делаем вид, что ничего не происходит! – шепчет она, и теперь уже мне приходится кивнуть в ответ.

Я вообще не понимаю каким образом она умудрилась услышать Люцифера, но факт остаётся фактом – ретривер медленно входит на кухню и с грустной мордахой плетется к миске с водой. Несколько раз тюкается краем пластикового конуса воротника об пол и жалобно поскуливает.

– Сейчас сниму.

Мне не нужно объяснять, что попить собаке не удастся при всем желании. Воротник, надетый с одной целью (чтобы пёс не вылизывал повязку), выпирает намного дальше кончика носа, и я быстро расстегиваю застёжки, освобождая Люцифера.

– Пей, мой хороший. Умница.

Из соседней миски я подцепляю небольшой кусочек отварного мяса и подношу поближе к носу пса:

– Скушай один кусочек. Самый маленький.

Ретривер пару раз принимает к угощению и смотрит такими грустными глазами, что у меня невольно наворачиваются слезы. Наверное, в мире ещё никто не смог, да и вряд ли когда-нибудь сможет, описать словами тоску в этом взгляде. А Люцифер отворачивается и медленно бредёт обратно. Ему не понять, как я вообще могу думать о еде, когда его хозяин уехал.

– Скучает, – тихо вздыхает Фаина.

– Скучает, – повторяю я, возвращая на место мясо. – А это правда, что он любит, когда ему читают?

– Если честно, то не знаю. Может быть и любит, а может Ярику это просто кажется. – женщина пожимает плечами и опускает кружку на блюдце.

– А можно я попробую?

– Попробуй, если хочешь.

Со стороны может показаться, что я сумасшедшая или еще что похуже. Вот только для меня все происходящее абсолютно нормально. Если Град любит мороженое, коляшки умудряются договориться между собой и играют по очереди, а Боня – маленький пылесос, то почему же тогда золотистый ретривер не может любить когда ему читают? И я иду за ним в кабинет, долго смотрю на стоящие вдоль стены стеллажи с книгами, пробегаю пальцем по корешкам и прислушиваюсь к себе. Здесь все не то. Это какое-то необъяснимое предчувствие что-ли. А за спиной негромко возится устраивающийся на кресле Люцифер.

– И что же вы читаете? – спрашиваю я обернувшись. – Хотя бы подсказку дай, а?

Ретривер вздыхает, совсем как человек: « Господи, с какими глупыми людьми мне приходится иметь дело.»

– Ну извини. У меня таких собак не было. Все как-то попроще оказывались.

Пара грустных глаз оценивающе смотрит на меня, а потом Люцифер переводит взгляд на стол, на котором лежит книга с яркой обложкой. И даже закладка присутствует.

– Серьезно? Вот так просто? – я подхожу к столу и улыбаюсь, прочитав название. – Взрослая собака любит детские сказки? А я думала, что тебе нравится что-нибудь посерьезнее. Мистика какая-нибудь или история Древнего Рима. Все таки Люцифер, латынь, все дела...

«М-да...» – во взгляде собаки читается откровенное пренебрежение к моим заумным рассуждениям, но, судя по тому, как начинает ёрзать ретривер на кресле, понимаю, что ему действительно нравится «Незнайка на Луне». И все эти разглагольствования для него – лишняя, абсолютно ненужная трата времени. Он даже негромко гавкает. Словно поторапливает.

– Значит дружить не хочешь, а как читать, так сразу гавкаем? – я подхожу к креслу и сажусь перед ним на пол.

Чтобы Люциферу было видно иллюстрации. Мне кажется, что так ему больше понравится.

– Ну, признавайся, вредина, кто тебе тут больше всего нравится? – на развороте, где была закладка, нарисован Незнайка и ещё какой-то пухлый человечек с пончиком в руке.

– Аварваравав, – выдает недовольно пёс и лапой шкрябает меня по плечу.

– Да читаю я, читаю, – перевожу с собачьего и улыбаюсь. – Глава седьмая. Как Незнайка и Пончик прибыли на Луну.

И все таки похоже Люциферу больше всего нравится Незнайка. Не знаю почему, но именно на его имя он реагирует немного по-другому. Вечно голодный Пончик пролетает мимо его ушей, а вот стоит появиться в тексте мальчишу в синей шляпе, и ретривер весь превращается во внимание – голова чуть наклоняется на бок и слушает внимательно-внимательно. Никогда бы не подумала, что собака может так реагировать на чтение. А теория о том, что Люциферу просто нравится голос хозяина, разбилась вдребезги уже к моменту второй прочитанной страницы – пёс даже придвинулся поближе и потом недовольно тявкал, когда я слишком быстро переворачивала красочные иллюстрации. Все таки он их рассматривает.

К концу главы я уже приноровилась к темпу этого рыжего любителя почитать и переворачивала страницы вовремя. А когда дочитывала восьмую (сама увлеклась приключениями коротышек), то с удивлением отметила, что Люцифер положил голову мне на плечо, а я чешу его за ухом, прерываясь лишь на переворачивание страницы.

– Ну на сегодня хватит, – вкладываю закладку и закрываю книгу, дочитав до десятой главы.

– Рвававррр...

– И не ругайся. Хорошего понемножку, – я поднимаюсь с пола и потягиваюсь. – Вообще, позвоню и спрошу сколько страниц в день вы читаете.

– Рвавар...

– Ну конечно. Сейчас ты мне все что угодно скажешь. Развалился, как фон барон на кресле, и эксплуатируешь. Фигушки! Пойдем лучше хотя бы десять минут погуляем?

– Гравраврав... – Люцифер демонстративно кладет морду на передние лапы и жалобно поскуливает.

– И не ври! Я видела, что у тебя там царапина, – настрой у меня уже совсем боевой, а вот стоноительство ретривера начинает злить.

Одно дело скучать, а другое – симулировать.

– Пошли, неженка. Погуляем, поешь, а потом может быть ещё почитаем, – я иду к двери и оборачиваюсь. – Вставай. Кому говорю? С завтрашнего дня читать будем на улице!

– Рвававарвав...

– Поговори мне. Люцифер, гулять!

Если уж здоровенный Град меня слушается, то у симулянта вообще никаких шансов. Я тоже умею быть требовательной и не уступлю. Минута, вторая, третья... и Люцифер медленно спрыгивает с кресла и идёт ко мне, понурился голову и всем своим видом показывая, что ещё немного и все – умрет бедняжка от непонимания человеческого, в общем, и моего, в частности.

– Не верю! – строго произношу я. – Будешь симулировать, лично отвезу на клизму! Для профилактики.

И эта угроза прибавляет скорости собаке.

Я иду за ним по дому, прекрасно зная, что сейчас Люцифер специально выбирает самый длинный путь. Обходит все комнаты, чтобы мне надоело болтаться за ним, и я, наконец, отстала. Вот только ему невдомёк, что даже эта «прогулка» по дому уже маленькая победа. Сегодня повыкобенивается, а завтра – я твердо решила, что читаем теперь только вне дома, – комнат станет гораздо меньше. Если уж Ксюха Полунина на прогулку уломала, то ретривера-симулянта я точно вытащу на свежий воздух.

И Люцифер замирает на крыльце, выходящем на задний двор, тянет носом запахи, переминаясь с лапы на лапу, а я улыбаюсь. Один-ноль.

– Умница, Люцифер. Покажешь мне, что тут у вас есть? Ну если уже вышел, то пойдем хоть немного лапы разомнем?

Я снимаю кроссовки и носки, оставляю их на крыльце и спускаюсь на газон, уходящий ровным зелёным озером куда-то далеко.

– Давай-давай, будь хорошим хозяином. Проведи мне экскурсию, а завтра я тебе почитаю побольше. Договорились?

Он смотрит на меня пару секунд и медленно трусит к развесистому дубу метрах в пятидесяти от дома.

– Вот там с завтрашнего дня и будем читать. И тень, и воздух свежий, и прогулка. Одна польза, – улыбаюсь я, шагая босиком по траве рядом с собакой. – Такую красоту показывать не хотел.

10

Нужно ли говорить, что домой я возвращалась в приподнятом настроении? И дело было совсем не в двух бокалах вина, которое мы с Фаиной все таки выпили за ужином.

Люцифер после прогулки немного поел и снова сбежал в кабинет, но вышел меня провожать, когда приехало такси. А я напоследок потрепала его по голове и заметила как кончик его огненно рыжего хвоста немного дернулся из стороны в сторону – еще одна маленькая победа. И тут, что называется, поперло. Словно сверху включили зеленый свет для моей скромной персоны. Сперва телефон тренькнул эсмэской от Ксюхи – наш неприступный «афганец» позвонил и пригласил ее в кино. Сам. И на моем лице поселилась такая широкая улыбка, что даже таксист невольно стал улыбаться. Еще бы он смог представить каким сайгаком сейчас скачет Оксанка по квартире... Уж кому-кому, а мне не нужно объяснять, что ее счастью не предела, но все же скрестила пальцы, на всякий пожарный. Во второй части сообщения Ксюха просила не волноваться, если она не будет ночевать дома.

– Ой, Пашка, прощайся с вольной жизнью, – тихонько шепчу я и улыбаюсь еще шире.

Ксю похожего звонка ждала столько, что чуть-ли не протерла телефон до дыр, проверяя были ли пропущенные звонки. А теперь, раз сам позвонил, отхватит Пашка по полной. Смех смехом, но этот микрошажок навстречу она заметила, оценила и сделала правильные выводы. Уж упорства и терпения дожать Полунина Ксюхе хватит. Да и время сейчас просто как по заказу – лето, тепло и, что самое главное, каникулы. Никаких отвлекающих факторов.

А потом мне позвонил Левка. И тоже сам. Видимо, сегодня на календаре Всемирный день долгожданных и правильных звонков.

– Привет, клевое платье, – Левка оценивающе скользнул взглядом по моим ромашкам, а вернее по тем участкам кожи, которые были не прикрыты лепестками вязанных цветов.

– Спасибо. Это мне? – я, словно в ответ, смотрю на букет жёлтых лилий, который Левка держит в руке.

– А. Ну да. Что-то я совсем... – он смеётся и тянет цветы. – Немного не угадал. Надо было ромашек нарвать. Как раз мимо клумбы с ними проходил.

– Ещё чего не хватало. Для тебя одного что-ли их там садили?

– Да ладно тебе, я шучу, – Левка ухмыляется так, что только дураку не понятно – сорвал бы и даже не подумал. И тут же резко меняет тему. – Как там у тебя с собаками? Может мне поспрашивать у знакомых?

– Спасибо, пока не надо. Может попозже. Я сегодня первый день ездила в «Сосновое». Там за ретривером надо присмотреть...

– Ого! Не хило! – Левка кивает в сторону аллеи, и я делаю шаг, взяв его за руку. – Ты смотри, если все круто сложится, то может зацепишься за это «Сосновое». Там и бабки другие и раскрутишься быстрее. Единственное – закидоны богатеньких Буратин терпеть придется. Они там нас за людей не считают.

– А вот тут ты не прав! – я даже подпрыгиваю и начинаю идти спиной вперед, – Допустим, Фаина. Она нормальная женщина. Без закидонов, как ты говоришь. Абсолютно! Мы с ней даже вино пили. Понял?

– А эта Фаина кто? Хозяйка дома?

– Не. Она вроде как кухарка и...

– Вот и все. С этого и надо было начинать, – Левка обрывает меня на полуслове и довольно улыбается, – Одно дело хозяева, а другое – прислуга.

– Спасибо, Лева, опустил грамотно. Даже не подкопаешься.

– Да никого я не опускал. Просто, Алис, там совсем другая жизнь, другие ценности. Да, вообще, все другое, – Лева оттягивает меня в сторону, чтобы я не влетела спиной в фонарь, – Осторожнее.

– А мне кажется, что те же люди.

– Ну да. Только мы на них пашем, а они нас за говно держат...

– Уровень плинтуса достигнут! – смеюсь и разворачиваюсь по ходу движения. – Сперва прислуга, а теперь уже... Ой, а пошли покачаемся?

Лишь краем глаза я заметила качели, а внутри уже проснулось какое-то малое дитя, которому до смерти надо было покачаться перед тем как идти куда-то дальше. И вот уже надо мной противно поскрипывает трущийся друг о друга металл, а Левка едва сдерживается, чтобы не заржать в голос. Раскачал сильнее и стоит рядом, смотрит.

– Как у тебя с дипломом? – спрашиваю больше для того, чтобы прозрачно намекнуть на истинную причину игнора.

– Отдал на проверку, – он ловит сидюльку качели и резко толкает вперед.

Я взлетаю ещё выше, скрип становится пронзительнее, а вот Левке уже явно не хочется веселиться. Он неопределенно пожимает плечами и я озвучиваю его мысли:

– Думаешь не пройдет?

– А хрен его знает. Я новые расчеты добавил, экономическую составляющую пересчитал, и теперь выходит, что нифига не выгодно. Если только совсем копейки.

– А она должна быть? – я только крепче вцепляюсь в блестящие, отполированные детскими ладошками, трубы, когда Левка снова начинает меня раскачивать.

– Наверное, – он хмурит брови, видимо что-то обдумывая или вспоминая. – Вот надо было ему резервную вкорячивать...

– У тебя когда защита?

– Через неделю. Если с проверкой прокатит.

– А перенести никак?

– Не. Я уже и так в последней группе иду, – Левка носком кроссовка вдавливая в песок камушек, а потом нагребает небольшой холмик. – Просто с научником не повезло. Ильченко Максую всю расчетную часть от предыдущих выпусков выдала. Вот это я понимаю – нормальный руководитель по диплому. А у меня...

– Зато сам написал! – я прыгиваю с качели и достаю из рюкзака влажные салфетки.

– До защиты когда не допустят, так и скажу. Ты как маленькая. Это тебе не реферат написать и даже не курсач. Если сейчас защититься не смогу, то потом уже только через год! Понимаешь?

– Молодец! Снова у нас Лева взрослый, а Алиса малолетка, – я захожусь с пол оборота и, бросив скомканную салфетку в урну, смотрю Левке в глаза. – Знаешь, а мне кажется, что сейчас ты ведешь себя как ребенок. У тебя все вокруг виноваты. Научник нагрузил и заставил сделать диплом сильнее, другому помогли, а тебе нет. Хочешь, я тебе шоколадку куплю, чтобы ты перестал стонать и жаловаться?

– Алиса...

– А что Алиса? Ну что? – я закидываю лямки рюкзака на плечо и показываю пальцем на цветы. – Спасибо, но я не возьму.

– Алиса... Ну хватит... – Левка сейчас совсем не похож на себя.

Весь как-то растерялся и топчется на месте, не решаясь что-либо сделать. И стоять на месте не стоит, и подойти не решается. Видимо мой взгляд стопорит его похлеще строгого ошейника. А мне самой страшно представить, что я вытворю, если он хотя бы прикоснется ко мне.

– Двадцать один год уже как Алиса. Не восемнадцать, не пятнадцать и не двенадцать. Двадцать один! – я печатаю каждое слово настолько отчетливо, что когда второй раз произношу

свой возраст, едва ли не чувствую себя старше Левки. – Я не маленькая девочка и общаться со мной так не позволю! Когда в твоей голове это устаканится, вот тогда я возьму и цветы, и пойду с тобой на свидание. Не прошвырнуться по городу, а именно на свидание. Достаточно понятно?

Левка кивает в ответ, и я разворачиваюсь, чтобы пойти домой. Буквально отойдя на пару метров, он догоняет меня и рывком разворачивает к себе:

– Алиса... Я все понял... – быстро выдает Левка и впивается мне в губы поцелуем.

Секунда, вторая, третья... А потом моя коленка резко врезается ему в пах.

– Позвони, когда поймешь правильно! – зло выдыхаю я и чуть ли не пулей бегу в сторону дома.

Лишь когда я захлопнула за собой дверь, лихорадочно закрыла на все замки и накинула цепочку, щупальца липкого страха выпустили мое сердце. Привалилась к стене спиной и посмотрела на свои дрожащие пальцы. Скачат так, что можно отбивать морзянку или играть на пианино, а внутри полный трешняк. Мало того, что отчитала Левку, как мальчишку, так еще и по яйцам влупила... Совсем с катушек видимо поехала. Кое-как выковыряв второй раз за вечер салфетки, долго оттирала губы, словно пыталась стереть само упоминание об этом поцелуе. Было в нем что-то такое противное и липкое, что совсем не укладывалось в моей голове с проявлением нежности. Попытка таким образом показать мою взрослость и Левкину решительность? Возможно она бы и удалась в другой день, но чем все это обернулось сегодня? Я почти забаррикадировалась в квартире и в стотысячный раз тру губы, а Лева... Ну не тот способ он выбрал. Не тот! И если Ксюха спала и видела, чтобы Полунин сделал что-то хотя бы отдаленно похожее, то мне это было не нужно. Ну не то! Совсем не то!

– Мудак! – зло выплевываю я в тишину квартиры и подскакиваю от громкого грохота за стеной кухни. – Придурки! Купите вы уже шкаф для свои кастрюль!

Единственный минус у нашей квартиры – это долбанутые на голову соседи. За все время, пока мы тут живем, я их видела от силы раза два, но даже этого мне хватило. Странная парочка с какими-то радиоактивными тараканами-переростками в башке. То следят за всеми во дворе, выглядывая через щёлочку между плотно задернутых штор, то мебель таскают из угла в угол, то роняют кастрюли, словно не могут поделить стену, чтобы подслушивать вдвоем. Почему-то мне казалось, что они именно подслушивают, а потом стучат владельцу квартиры о каждом нашем вздохе. Вот только дядька нас не отчитывал, даже наоборот, предупредил, что у соседей с кукушкой все не очень хорошо. Вернее, все очень плохо. Одним словом – психи. И поэтому цена аренды была ощутимо ниже, но один фиг вдвоем тяжеловато.

– Давайте, позвоните и расскажите, что одна вернулась домой вечером! – почти кричу я и шебуршение за стенкой мгновенно стихает.

Действительно, лучшая защита от такой назойливости – наглое нападение. Пусть знают, что я знаю. Их закидывание мне только не хватает до полного счастья. А в рюкзаке начинает трезвонить телефон. И это окончательно выбешивает меня.

– Ну! Что ты хочешь мне еще сказать? – зло выдаю я в трубку, – Достаточно получить по яйцам, чтобы начать думать? Так?

Сперва я слушаю тишину в ответ, а потом раздается негромкий смех:

– Добрый вечер, Алиса. Это Ярослав.

Голос мужчины действует на меня, как разряд электрического тока. Я вздрагиваю от неожиданности и телефон летит у меня из рук на пол.

– Ой! Одну секундочку! Всего одну секундочку! – быстро тараторю я, поднимая мобильный.

И поднеся его к уху шумно выдыхаю, чтобы вернуть себе хоть капельку спокойствия.

– Вдохните, медленно досчитайте до пяти и потом выдыхайте, – подсказывает Ярослав, и я почему-то делаю так, как он сказал.

– Здравствуйте, Ярослав. Извините, что я тут так...

– Это вы должны меня извинить за поздний звонок. Думал, что освобожусь раньше. Как там мой Люцифер?

– Все хорошо. Шов дважды обработала, края розовые, не горячие. Сходили погулять до дуба, почитали. Поел только не очень.

– Это не может не радовать, – мне кажется, что сейчас Ярослав улыбается. – А что читаете, если не секрет?

– «Незнайку на Луне», мне ее Люцифер показал, – отвечаю я и теперь точно уверена – на том конце трубки улыбаются.

– Сам показал?

– Да. Я его спросила и он показал.

– Это хорошо, – Ярослав несколько секунд молчит, а потом спрашивает, – Алиса, вы ничего не имеете против, если я периодически буду звонить, чтобы узнать как там дела у Люцифера? Примерно в это время. Вам будет удобно?

– Да, – киваю я. – Если хотите, то я могу вам каждый день его фотографировать, чтобы вы видели его состояние.

– Ну это я думаю уже лишнее. Ограничусь звонками. Тогда не смею вас задерживать. Приятного вечера, Алиса.

– До свидания, Ярослав.

Трындец!!! Я смотрю на свои руки и не верю – дрожащие буквально пару минут назад пальцы абсолютно неподвижны, словно мне вкололи лошадиную дозу успокоительного. А в голове эхом раздается: «Приятного вечера, Алиса.»

11

– Алиска, ну не надо! Алиска, не дури!

– Ксю, так надо. И вам удобнее будет, – я обнимаю ревущую Ксюху еще раз и поднимаю с пола небольшую сумку со своими вещами. – Я в выходные приеду. И не дай бог Полунин до этого времени тебя не поцелует!

– Дура!

– Наверное.

Ксюха шмыгает носом и спускается за мной в одном халатике и тапочках по лестнице с рюкзаком юного собаководы. Отдает его таксисту и снова лезет обниматься:

– Позвони, как доедешь.

– А ты кончай реветь.

– Все, не реву, – она вытирает ладошкой слезы. – Я в субботу вечером всех позову.

– Хорошо.

Я крепко обнимаю ее напоследок и сажусь в такси. Это решение зрело во мне пять дней и окончательно сформировалось вчера вечером. Я переезжала на оставшееся время к Люциферу. Ретривер каждый день провожал меня, когда приезжало такси, а позавчера вышел встречать. В первый раз. Стоял на крыльце и размахивал хвостом, пока я поднималась по ступенькам.

А вообще, мне просто захотелось немного сменить обстановку и по достоинству оценить приготовленную комнату. Но, если уж совсем честно, то главной причиной был Левка. В городе я чувствовала себя как на раскаленной сковородке. Сперва злилась на него, потом на себя, а вчера щелкнуло окончательно – мне нужен перерыв. Пусть он спокойно сдает свой такой взрослый диплом, думая что я по-детски сбежала от него к собаке. Если бы Левка не обрывал телефон целыми днями и не назвал Люцифера тупой псиной, может и не бомбануло так, но он произнес это вслух, и я психанула. Может быть он и считал себя старше и умнее, но обзывать ретривера тупым... Уж где-где, а тут Левка однозначно переборщил. Мало того, что решил скатиться до оскорблений собаки, так еще и унизил мою работу. Мою!

А вот Люцифер так не считал. За пять дней мы с ним прочитали больше половины книги, и, стоило мне только сказать: «Идем читать», ретривер сам бежал к небольшой сумке, в которую Фаина складывала плед и какие-нибудь фрукты для меня. В тени дуба мы с Люцифером устраивали себе импровизированный пикник – я расстилала плед на траве, ложилась на живот, а рыжий хитрюга устраивался рядышком под боком. И сегодня я хотела еще немного побродить по территории, чтобы посильнее нагулять аппетит у собаки. Зря что-ли взяла все игрушки? Пусть побегают. Тем более повязку мы уже сняли и просто два раза в день обрабатывали небольшой шов.

Но каково же было мое удивление, когда за воротами я увидела сидящего на дорожке Люцифера. Он меня ждал. И вышел встречать. Однозначно, собаки гораздо лучше и честнее людей.

– Остановитесь, пожалуйста, – прошу я водителя и открыв двери зову, – Люцифер, ко мне.

Ретривер с довольной мордой и летающим во все стороны хвостом неторопливо подходит к автомобилю и запрыгивает внутрь.

– Привет, мой хороший.

– Рвавав, – мокрый нос тычется мне в щеку.

– Я тоже соскучилась, – говорю ему и чешу за ухом. – Как настроение?

– Гав!

– Ух! Ты меня сегодня радуешь.

– Рваварваррр.

– Погуляем сегодня подольше?

– Гав-гав!

– Умница!

– Простите, а как вы его понимаете? – спрашивает водитель, останавливая машину около лестницы.

– Обыкновенно, – улыбаюсь я в ответ. – Тут ведь ничего сложного. Правда, Люцифер?

– Гав!

Мне кажется, что Фаина только рада моему решению. И пока мы с ней раскладывали по полкам шкафа вещи из сумки, а потом обрабатывали Люцифера, она улыбается так широко, что я даже жалею, что не решила остаться здесь с самого первого дня.

– Хоть будет с кем вечером поболтать. А ты выспишься на свежем воздухе, – говорит Фаина и выглянув в окно заботливо добавляет, – Гулять пойдете, голову прикрой чем-нибудь. Солнце шпарить начинает.

– Фаина, а можно я позагораю? – спрашиваю я.

– Большой глупости не слышала, – усмехается она. – Конечно можно. Только не перебарщивай. И в два обед.

– Хорошо.

Все это время Люцифер молча лежал на кровати и сквозь полудрему следил за тем как я достаю купальник, парео и шляпку. Рыжий хвост начинает тихонько постукивать по покрывалу, а стоило мне переодеться, замирает, словно ретривер ждет, что же еще я придумаю лишь бы оттянуть прогулку.

– Ни капли терпения, да? – спрашиваю его и строго смотрю в его глаза, – А я помню, как ты меня лабиринтами водил по дому. Было такое?

Люцифер виновато отворачивает морду и недовольно ворчит. Ругается на меня засранец.

– Ну что? Пойдем читать? – негромко говорю я.

И начинаю смеяться от того как пес соскакивает с кровати и подбежав к дверям оборачивается.

– Да иду я.

А солнце действительно решило сегодня включиться на максимум. Я даже боюсь высунуть нос за пределы тени и немного позагорать. Да и вообще под дубом царит какое-то умиротворение – листья тихонько шуршат над головой, отвечая легкому ветерку, гуляющему в кроне дерева, вокруг аккуратный и нереально ровный ежик изумрудно зеленого газона, а под боком дремлет Люцифер. Он приоткрывает один глаз, когда я достаю из сумки банан, подползает немного вперед и косится то на меня, то на банан в моей руке.

– Хочешь кусочек? – спрашиваю и чувствую, как по ноге начинает биться хвост. – Держи.

Сперва мы пополам съедаем банан, потом яблоко и напоследок персик. Люцифер только довольно облизывается и пристально смотрит на сумку, мол доставай, что там у тебя еще вкусенького осталось.

– А больше ничего нет, – смеюсь я, показывая пустую сумку.

Ретривер вздыхает, поднимается на лапы и немного потоптавшись по пледу плюхается обратно, а я переворачиваюсь на спину.

– Хорошо у вас тут. Спокойно, – шурюсь, когда через листву пробивается лучик солнца и бьет прямо в глаза.

Люцифер приподнимает голову, всматривается вдаль и ворочается, устраиваясь поудобнее. Опустив голову мне на живот, как на подушку, он согласно выдыхает и снова проваливается в полудрему. Лишь изредка дергает ушами, прислушиваясь к окружающим звукам. Инте-

ресный пес. Я неторопливо почесываю ему загривок, медленно проникаясь этим царящим вокруг спокойствием. Словно какие-то человечки в моей голове неожиданно решили устроить генеральную уборку и расставляют все мысли по своим местам и полочкам. Они работают так споро и тщательно, что даже реакция на поцелуй Левки теперь становится абсолютно понятной – мне с ним банально не интересно. И дальше простого общения пускать его я не хочу. Просто до этого момента, все было неясно, а теперь осенило. Это не тот человек, которого я бы хотела видеть рядом с собой. Даже Пашка или тот же Ромка гораздо прикольнее. У них есть свои закидоны – Пашка так вообще одна сплошная заморочка, – но рядом с ними как-то комфортно что-ли. И кажется, что стоит полежать так ещё пару часов, мир откроет мне все свои тайны и замыслы – невидимые человечки в голове закончат свою работу и я, как Ньютон, открою всемирный закон какого-то человеческого притяжения, выраженный одной понятной и логичной формулой. Вот только Левка в нее никак не вписывается. Вообще никак. Или, как сказал бы Иван Петрович: «Подстановка этого значения только доказывает, что данный вариант не вариант.» А вот Полунин и Ксюха совсем другое дело. У них все сходится.

– Забавно, – улыбаюсь я, – Осталось только понять каким должен быть мой вариант. Да, Люцифер?

А ретривер только приоткрывает глаза и широко зевает в ответ. Счастливое создание. Чего нельзя сказать обо мне. Особенно после того, как я вернулась в дом и обнаружила больше тридцати пропущенных звонков от Левки. Кажется, он решил взять меня измором и названивал каждые десять минут. Глупее поступка не придумаешь, и мысль, что Левка явно не вписывается в мое уравнение, моментально переросла в аксиому, не требующую доказательств. Меня откровенно взбесило такое наглое и беспардонное названивание – ну если раз трубку не взяли, то на кой черт долбить постоянно? Очень взрослое поведение. И перезванивать я точно не собиралась. Может быть и позвонила бы узнать, что ему нужно, но теперь... Гуляем мимо, Лева. Единственное, что сделала – написала ему эсэмэс: «Не звони.» Вот так коротко и без объяснения причин – мальчик вроде бы умный (по крайней мере сам себя таким считает) и значит поймет. Не понял. Телефон снова стал разрываться от звонков. Словно двумя словами я ему выписала индульгенцию. Или инсинуацию... Короче, отпущение всех грехов ему не светило при любом раскладе. Я девочка взрослая. И без внимания Левы жилось совсем не плохо, может даже гораздо лучше. По крайней мере от вида трезвонящего мобильного меня не кидало в ярость. Но звонки не прекращались ни на минуту, и капля за каплей чашечка терпения переполнилась.

– Лева! Задолбал! – выоралась я, нажимая кнопку ответа. – Настолько задолбал, что ты себе даже не представляешь как!

– Алиса, давай поговорим!

– Не собираюсь! Мы все уже обговорили. Не звони мне больше!

Я давлю на кнопку отбоя и с каким-то наслаждением заново Левкин номер в черный список.

12

Если бы можно было научиться перещелкивать свое настроение, то я не сидела бы за столом и не ковыряла вилкой лазанью. Аппетит улетучился куда-то далеко и помахал на прощанье ладошкой. Спасибо, Лева, даже тут умудрился подгадить. Мудак, одним словом.

– Ох, не нравится мне твое настроение, Алиса, – Фаина только качает головой, глядя на мою тарелку. – Пойдем-ка прогуляемся немного.

– Не хочется.

– Без не хочется, – женщина поднимается из-за стола, – Давай, поднимайся. Покажу тебе то, что сразу настроение вернет.

– Вряд-ли...

– Ну вот заодно и проверим, – Фаина подходит к холодильнику и, переложив что-то в плотный непрозрачный пакет, произносит. – Люцифер, пошли в гости Алису отведем.

И то как пёс сорвался со своего места заинтриговало меня больше всего. Примерно так же он реагировал на книгу, а тут гости непонятные, ещё пакет странный, а у ретривера будто шило в заднице появилось. Поскуливает, носится по кухне от стола к дверям и обратно и смотрит на меня так, словно я своим сидением на стуле лишаю его чего-то очень интересного.

– А без меня никак? – спрашиваю я. – Если честно, то сейчас по гостям ну никакого желания нет ходить.

– Ну да... Спорим, тебя потом оттуда не выгнать будет? – Фаина загадочно улыбается, и мне уже самой становится интересно.

Не то чтобы очень, но я встаю и иду следом за женщиной.

Она ведёт меня к дубу, никуда не сворачивая, и чем дальше мы отходим от дома, тем больше убеждаюсь, что идём не к соседям – я приблизительно представляю, что плотная живая изгородь, идущая поперек участка, является какой-то границей. Но Фаина подходит к ней и открывает широкую калитку-створку, увитую зеленью так плотно, что не видно даже намека на эти скрытые двери.

– Нам дальше, – поясняет она, пропуская меня вперёд и закрывая створку за собой.

– А я думала, что мы к соседям, – произношу я, высматривая куда улетел рыжей стрелой Люцифер.

– Почти, – Фаина берет меня под руку и ведёт по дорожке дальше. – Вообще, по всем документам мы уже на соседнем участке, но он тоже принадлежит родителям Ярослава. Когда «Сосновое» только начали делить на участки, Всеволод и Зоя сразу выкупили три. Если со стороны ворот посмотреть, то дальше видно, что просится дорога, но ее не стали делать, ведь участки идут друг за другом и принадлежат одному владельцу. Плюс Всеволод договорился, чтобы ее не было.

– А зачем?

– Все увидишь, – Фаина словно задалась целью заинтриговать меня по самое не балуй. – Ярику тогда было лет двенадцать, и сколько раз я его здесь искала пока дом строился... Ужас просто. Сбежит из дома с палаткой и ищи-свищи засранца. Нервов вымотал всем... Там, на третьем участке, озерцо ещё есть небольшое, а он плавать нормально научился после пятнадцати.

– Хм. Вроде по голосу Ярослав показался мне очень спокойным и рассудительным.

– Ну да, – Фаина звонко смеётся и сворачивает к небольшому домику. – Спокойный он. И рассудительный. Как же. Считай Ярик и выбил у родителей все, что тут есть. Сперва эту избушку построили, а потом... все остальное. – она улыбается и сложив ладони рупором громко кричит, – Василич! Ва-а-а-си-и-лич!!!

Несколько мгновений мы слушаем тишину, а потом откуда-то издалека доносится приглушенное: «Эге-гей!»

– Понятно. На леваде, – Фаина кивает своим мыслям и манит за собой. – Пойдем.

– Где? – спрашиваю я, и в ответ слышу уже до боли знакомое: « Все увидишь.»

Ещё минут пять мы идём по тропе, плавно петляющей между деревьями, а Фаина улыбается все шире. И это интригует до безумия. Настолько, что я даже начинаю прислушиваться к окружающим звукам, чтобы хоть немного угадать к чему готовиться, но когда деревья расступились перед огромнейшей огороженной поляной у меня перехватывает горло от восторга. Там, за забором, неспешно перешагивая паслись две антрацитово черных лошади с безумно длинными гривами и хвостами. А между ними и седым старичком носился счастливый Люцифер.

– Это фризские лошади, – смеясь отвечает на мой немой вопрос Фаина. – Вот та, с белым пятнышком на лбу, Вега, а коня Ярик назвал Слейпниром.

– Ух ты!!! – выдыхаю я, подойдя к забору вплотную, – А вы говорили, что ничего интересного нет. И тут такая красота!

– Ну так это про тот участок. Как настроение? Получше стало?

– Вы ещё спрашиваете?

– Хочешь их покормить? – Фаина протягивает мне пакет, в котором, как оказалось, лежит несколько морковин и пара яблок. – Пошли уже.

Женщина звонко смеётся и пригнувшись перешагивает между горизонтальными жердями на другую сторону загона.

– Васильич, встречай гостей, – она машет рукой старичку и оборачивается. – Ну и чего ты ждёшь? Пойдем, Алиса.

Упрашивать по сто раз меня не нужно – я чуть ли не рыбкой ныряю за забор и едва сдерживаюсь, чтобы не побежать впереди Фаины. Лошадки! Ну какой нормальный человек сможет остаться спокойным при виде лошадей? Лошадочки!!!

– Эка глазки-то горят! – смеётся старичок, идя к нам навстречу. – Фаина, племянка твоя чтоль?

– Нет. Ярик для Люцифера нянечку нанял.

– Ясненько. Ну и как тебя звать-величать?

– Алиса, – отвечаю я, постоянно поглядывая на лошадей.

– Ну а я Василий Васильевич. Тутешние Василичем кличут, та и ты так зови.

– Хорошо. А правда можно их покормить? – спрашиваю, окончательно переключившись на фыркающую Вегу.

– А пошто нельзя? Конечно можно, – дедуля смеётся и взяв меня за руку ведёт к кобыле. – Ты токма к Слейпниру в одиночку не ходи. Дюже кусачий, а вот Вега та поспокойнее, да попокладистее будет. Чай кобыла все же.

Он издает какой-то цокающе-причмокивающий звук и лошадь поднимает голову, наострив уши.

– Дайка мне одну морковину, – Васильич ломает ее на три части и кладет одну мне на ладонь. – Пальцы не сгинай, а то случайно может цапнуть. Зубы у них дай боже каждому, – он усмехается и осторожно подталкивает меня в спину, – Ну иди, коли не боишься.

– В смысле одна? – восторг как-то моментально сдуло, стоило только осознать, что дедуля идти со мной не собирается.

– А чаво ты так зыркаешь? Девка взрослая, с собаками вон нянькаешься. Лошадь-то поди та же собака. Токма чуток побольше будет. Коли ты к ней с лаской, так и она к тебе в ответ с любовью. Иди, не пужайся. Морду погладить не забудь.

Опаньки. Вот тебе и поворот с подвыподвертом. Я осторожными шажками иду ближе к Веге, а она наострив уши смотрит на меня и переминается с ноги на ногу.

– Иди-иди. Вежке самой уж интересно, – раздается мне в спину, и я делаю следующий шаг чуть увереннее. – Вот, молодец! Про пальцы токма не забывай!

– Я помню.

– Ну так чаво ждешь?

Оставшиеся метры мы с Вегой идём уже друг другу навстречу. Мой шаг – и она делает шаг. Лошадь громко фыркает и осторожно тянется к моей ладошке, которую я готова отдернуть в любой момент.

– Привет, – тихонечко шепчу я, когда Вега аккуратно смахивает угощение. – Хочешь ещё?

Снова положив на ладошку кусочек морковки, подхожу чуть ближе и, как говорил Васильич, провожу второй ладонью по морде лошади. И пока Вега громко похрустывает лакомством, я как замороженная все глажу и глажу ее. Тяну оставшуюся часть морковки и осторожно трогаю пышную гриву.

– Ну вот почитай и познакомились. Зря пужалась выходит, – смеется Васильич. – Кататься-то будешь?

– А можно?

– А пошто нельзя? – он громко цокает и Вега идёт к нему, – Давай уважим гостью, Вежка.

В детстве я конечно несколько раз каталась на лошадях, но все это счастье было буквально минутным. Меня усаживали верхом и просто проводили по небольшому маршруту. А здесь... Дедуля-конюх сперва быстро провел небольшой ликбез седлая Вегу, показал как нужно правильно садиться верхом, и по-доброму посмеивался, пока я пробовала повторить его инструкции. Как оказалось, все совсем не так просто, как кажется.

– Туточки упорство тоже надоть иметь, – сказал он, когда мне все таки удалось вскарабкаться с десятой попытки. – Теперича держись крепче.

Васильич сделал небольшой круг, ведя лошадь за уздцы, а потом отошёл в центр и громко цокнул – дальше Вега пошла сама, чуть быстрее, а меня прямо распирало от счастья. И плевать, что по факту я ехала на привязи. Постепенно лошадь перешла на быстрый шаг, затем на неторопливый бег, и несколько кругов даже пробежалась. Я хохотала от счастья, вцепившись руками в поводья и подпрыгивая в седле, едва не выскочив из него пару раз, что вызвало только новый приступ хохота. О каком плохом настроении могла идти речь, когда тут такое счастье? Вот прямо здесь и сейчас!!! Блин, я впервые в жизни увидела фризскую лошадь и в этот же день на ней покаталась!!! Чума!!! Единственное, о чем я пожалела – телефон остался в доме. Мне так хотелось сфотографировать Вегу со Слейпниром и отправить Ксюхе. Но больше всего – хотя бы один кадр, где я скачу верхом на этой красавице.

– Спасибоочки огромное, дядь Васильич! – выпалила скороговоркой, едва не задушив дедуся в объятиях. – Она такая! Такая!!! Пряма, вообще!!!

– Таки ты приходи завтра, коли понравилося. Покатаисся ещё, – смеётся он, а потом хмыкает и смущённо добавляет, – Ежели задница болеть не будет.

– А чего ей болеть? Это же так круто! – я даже стоять на месте не могу спокойно. Словно в меня вселился кролик Энерджайзер.

– Чай не вечер ишо, – смеется Васильич.

– Все равно, спасибо! Я обязательно приду!

– Так и приходи. Вежка завсегда тебя покатает, а вот на Слейпнирушку даже не замахивайся. Он кроме Ярика никого не пушает.

– А сфотографироваться с ним можно будет?

– Ну это дело нехитрое. Вон Фаина тебя уже снимала даже.

– Правда? – спрашиваю я, не веря словам дедули.

– Правда. Потом скинешь себе, если захочешь, – Фаина едва ли не хохочет и протягивает мне свой телефон, где крутится видео моих катаний.

– Ужас! – хохочу я, увидев, как мое счастье выглядело со стороны. Болтало меня на записи как пришибленную.

– Не волнуйся, там несколько фотографий совсем даже ничего вышло, – женщина все же не выдерживает и долго смеётся. – Ой, мамочки, давно я такого не видела, – она вытирает выступившие слезы, – Одно могу сказать, Ярик в первый раз смотрелся в седле гораздо хуже!

– Да куда уж хуже?

– Поверь. Я это видела, – Фаина пару минут елозит пальцем по экрану, видимо ищет подтверждение своих слов в телефоне, а потом удивленно хмыкает. – Удалила что-ли? А нет. Я же тогда на телефон Ярика снимала. Потом обязательно покажу, как найду.

– Договорились, – киваю я. – Спасибо!

– Ну вот видишь, а ты ещё не хотела идти. Пойдем домой пока ноги не разболелись.

– А у меня ничего и не болит.

Как же глубоко я ошибалась!

13

Я едва доковыляла до своей комнаты и практически рухнула на кровать, подвывая от боли. Нет, не то чтобы она была невыносимой или острой. Просто такой подлости от своего организма я никак не ожидала – ноги сами выгибались колесом и горели адским огнем. Такая вот жестокая расплата за крохотное счастье. Кое-как устроившись на постели сломавшейся звёздочкой – упереться пятками в стену и развести ноги в стороны (единственное положение в котором хоть как-то легчало) – я посмотрела на виноватую моску Люцифера, жалобно поскуливающего на мои мучения.

– Вот и сходили в гости, Лютик. Теперь твоя очередь за мной ухаживать.

Сказала, а в глазах ретривера вспыхнуло что-то похожее на озарение, и Люцифер унесся из комнаты, чтобы вернуться чуть меньше чем через минуту, сжимая в зубах флакончик «Хлоргексидина». Запрыгнул на постель и положил его рядом с моей рукой, довольно виляя хвостом.

– Вот умный ты парень, Лютик! Все-то ты понимаешь! Но это мне не поможет, – смеюсь я, а Люцифер снова убегает и возвращается уже с тюбиком «Левомеколя».

Опять положил рядом с моей рукой, окончательно добывая своей такой искренней помощью.

– Спасибо, мой хороший! – я хихикаю, но все же выдавливаю на палец немного мази и смазываю внутреннюю часть бедер, надеясь, что хуже мне точно не станет. – Вот видишь, теперь ты меня лечишь. Ну вот почему ты не человек, а? Такой заботливый. Дай я тебя обниму, а?

Сграбастав его в свои руки, чмокаю несколько раз довольную мордашу и спрашиваю:

– Может ты ещё тампоны принесешь? Заодно и тебя обработаем?

– Гав!

Люцифер быстро бежит в кабинет и возвращается с пакетом, в котором лежат тампоны и одноразовые перчатки, запрыгивает на кровать и всем своим видом показывает, что на самом деле он просто гений. И тут я с ним полностью согласна. А через десять минут на кровати валяются уже два «больных». Одна, кое-как извернувшись, чтобы лишний раз не стонать, а второй высунув язык и прикрыв глаза. Одним словом, два страдальца нашли друг друга. Вот только один маленький нюанс – я посматривала на часы чаще, чем обычно. А если быть откровенной, ждала звонка Ярослава. Там, где Лева меня выбешивал своей настырностью, спокойный голос становится какой-то отдушиной и чем-то неуловимо приятным. Хозяин ретривера звонил в половину одиннадцатого всего-навсего узнать, как чувствует себя его питомец, но мне казалось, что даже в этом есть свой тайный смысл или подтекст, который я никак не могла разгадать. Ну ведь не зря же Ярослав назвал Люцифером собаку? А лошадей Слейпниром и Вегой. Вообще, обыкновенный человек, впервые услышав такое имечко, посчитает ретривера чуть ли не Сатаной во плоти, ведь Люцифер же, да? И задолбаешься объяснять, что это латынь и «несущий свет». Вернее, несущий «Левомеколь». Я тянусь к телефону и лезу гуглить.

– Вега, Вега, Вега... Что же ты такое... пурум-пум-пум... Ага. Самая яркая звезда. Допустим, – киваю я, вспоминая белое пятнышко на лбу, но это слишком просто и очевидно. Несколько строчек и вот оно. Мифология. – Ага! Попалась! «Судья неба или жизнь небес». Так-так-так... Слейпнирушка... Иди ко мне... Пум-пум-пум... Восьминогой конь. Шустрый и проворный. Так я и поверила. А вот в посредника между мирами... Возможно.

Забавно. Я долго смотрю в потолок и почесываю Люцифера, гоняя в голове одну единственную мысль: «А не слишком-ли я загоняюсь со всеми этими подтекстами?» Вот реально, если хотя бы на мгновение абстрагироваться от всех значений, то звучные же клички получи-

лись. Даже Люцифер и тот звучит. Пугающе, но звучит. Да и Слейпнир... Чернышом такого красавца-коня назвать язык не повернется... Глупостью попахивает.

– А вот возьму и спрошу. Просто ради интереса, – решаю я и снова смотрю на часы.

За спрос ещё не убивали. И даже если окажется, что все просто и подтекстов нет, то огорчаться не с чего. Будет у меня своя лошадь, вот тогда и поломаю голову, а пока подождем. Не то чтобы я фанатка подтекстов, но в темечко поколачивает птичка-чучечка, что Ярослав вкладывал что-то гораздо большее, чем банальная красота звучания. И это только подогревало интерес.

22:29 на часах, а у меня уже чешутся руки позвонить самой. Даже ноющие ноги отошли на второй план – секундная стрелочка на небольших часах, стоящих на прикроватной тумбочке бежит по кругу, перескакивая с риска на риск, и стоит ей только завершить круг, раздаётся звонок.

– Добрый вечер, Алиса. Как ваше самочувствие? – спрашивает Ярослав, сломав этим вопросом заранее заготовленный план разговора.

– В смысле? Ой, здравствуйте, – я озираюсь по сторонам, словно ища подсказку, и выдаю, – У Люцифера все очень хорошо.

– Ну в этом я не сомневаюсь, – смех в трубке отзывается улыбкой на моих губах. – А как вы себя чувствуете после конной прогулки? Фаина сказала, что вы неплохо держитесь в седле.

– А-а-а... Вы про это... Совсем немного ноги тянет, но это пройдет.

– Ну если все так, как вы говорите, то я вам даже завидую. У меня после первых поездок ноги колесом были. Едва ходить мог.

Ярослав какое-то время молчит, словно окунулся в воспоминания, а я не решаюсь прервать эту тишину. Слушаю как отдаленно шелестят перекладываемые бумаги и даже прикрываю глаза, чтобы представить эту картинку. Бредовая затея. Особенно, когда ты ни разу не видела собеседника, но почему-то мне начинает нравиться эта своеобразная свобода и недосказанность.

– С вами приятно молчать, Алиса, – негромко раздается в трубке. Голос пёрышком проходит по моему сознанию и я краснею, будто меня поймали за чем-то неприличным.

– А почему Слейпнир? – скомкано спрашиваю, чтобы за время ответа вернуть свою головушку на место.

– Хм... Интересный поворот, – Ярослав постукивает по столу чем-то твердым – скорее всего ручкой, – но все это лишь плод моей фантазии. – То есть Вега вас интересует чуть меньше?

– Ну почему? Просто я поискала в интернете и с ней все более-менее понятно.

– И что же вы выяснили? – судя по голосу, мужчина улыбается. – Поделитесь своими выводами?

– А если они глупые?

– А если так и есть на самом деле?

– Это было бы не так интересно, – я прикрываю губы ладошкой и мысленно пинаю себя за такую наглость.

Но в ответ мне доносится приятный смех.

– Интересно? – переспрашивает Ярослав и хмыкает, – Пусть будет по вашему.

– Простите, я не хотела вас обидеть, – запоздало извиняюсь я.

– Нет-нет. Все в порядке. Просто не думал, что кого-то это может заинтересовать, – он снова улыбается и спрашивает, – Так что же вы нашли про Вегу?

– Ну-у-у... Я подумала, раз Люцифер совсем не Люцифер, то и Вега значит что-то другое.

– Логично, – Ярослав тянет паузу, я молчу в ответ, не решаясь сказать что-то ещё. – И тогда вы, наверное, отмени яркую звезду и наткнулись на мифологию?

– Примерно так. Вернее, точно.

– Так и есть, Алиса. Фризы достаточно редкая и красивая порода, а у меня есть пара, на которую я рассчитываю. Очень хочется жеребёнка. Поэтому Вега – жизнь небес. – он усмеяется, – Вам в следователи можно идти. Никакой тайны не оставили и раскрыли мой хитрый план.

– А Слейпнир?

– Ну тут все тоже достаточно просто и понятно. Только не так красиво. Если снова обратиться к мифологии, то Слейпнир сын Свадильфари и Локи, а нас, адвокатов, частенько приписывают к исчадиям, выворачивающим любую ситуацию в свою сторону, – Ярослав смеётся, – Скользкие субчики, перелопачивающие тонны бумаг, как Свадильфари, и готовые на любые хитрости, как Локи. Как-то так, Алиса. Надеюсь, что смог удовлетворить ваше любопытство.

– С лихвой, – улыбаюсь я, довольная тем, что все оказалось действительно с подтекстом. – Значит вы хороший адвокат?

– А на чем основан этот вывод?

– Ну, как минимум дом, лошади...

– Странная логика, но давайте попробуем найти истину. Как вы на это смотрите, Алиса? Я вас не сильно отвлекаю?

– Ни капли, – я ловлю себя на том, что все сильнее улыбаюсь и абсолютно не против официоза в свой адрес. Будто это какая-то игра, в которой «Вы» – основное правило.

– Тогда все равно постараюсь вас долго не задерживать, – в голосе Ярослава откровенное веселье, смешанное с интересом. Видимо ему тоже доставляет удовольствие наша беседа. – Дом принадлежит родителям, а лошади... скажем так, они куплены на общие накопления.

– А как же избушка на втором участке?

– Ого. Фаина вам открыла страшную тайну? – смех в трубке настолько завораживающе заразителен, что я тоже начинаю хихикать:

– Да. Я выпытала у нее признательные показания.

– Тогда вынужден сдать! Домик действительно мой, но куплен на честно заработанные отцом и передан мне по дарственной. Ходатайствую вызвать его в качестве свидетеля защиты!

– Отклоняется! – строго произношу в ответ и хохочу.

– Неплохо, совсем неплохо, Алиса, – Ярослав даже удостаивает меня аплодисментов. – Предупрежу Фаину, чтобы она поменьше вам рассказывала.

– Обвиняемый, это уже... – я мну лоб и вспоминаю все просмотренные сериалы, в которых присутствовали судебные разборы, – Это утаивание информации и сговор! Вот!

– Один-ноль. Разрешите написать явку с повинной, чтобы скостить срок?

– Принимается!

– Боюсь, придется мне с вами быть поосторожнее, чтобы случайно не создать себе конкурента. Или, ещё хуже, оппонента со стороны обвинения, – Ярослав наигранно вздыхает и тут же срывается в смех. – Занятно. Спасибо за приятную беседу, Алиса. Если надумаете пойти на юрфак, сообщите. Я тогда постараюсь побыстрее расквитаться с делами и отправлюсь на пенсию.

– Договорились, – киваю я.

– Ещё раз спасибо. Давно так не смеялся, но дела зовут... Доброй ночи, Алиса.

– До завтра, – в моем голосе едва уловимо слышится вопрос, но он не остаётся незамеченным.

– До завтра, Шерлок. Приятных снов.

Я откидываюсь на кровать с такой глупой улыбкой, что самой страшно. В чем эта магия? Как это все работает? В каких пропорциях нужно смешивать ингредиенты? Да Менделеев его знает! И ведь действительно плевать! Каждый вечер я жду телефонного звонка, заинтригованная до ужаса. И каждый разговор оставляет после себя такое приятное послевкусие, что

кажется – вот-вот эта интрига оборвется, и весь пазл сложится в одну картинку, но нет же. Снова и снова появляется новый кусочек, который никак не укладывается в уже более-менее оформившуюся теорию. И опять интрига. Крошечная недосказанность, от которой тарашит до жути.

Сперва этот голос – баюкающе-успокаивающая мелодия, приятно ласкающая что-то в глубине груди. Потом Люцифер. Совсем не страшный, а даже наоборот – интересный, умный пёс. «Сосновое». В эту же копилочку загадок. Лошади с их блестящей чернотой и мифологической подоплекой имён. А теперь ещё такой простой разговор, но как же тепло после него и так не хочется говорить: «До завтра».

И главное, я вообще не представляю, как выглядит человек на другой стороне. Возможно, он страшный до жути, но птичка-чуечка тарабанит по темечку, что это не так. Ну не может быть отвратительным обладатель такого завораживающего голоса. Тем более, адвокат.

– Дура! – хохочу я.

И действительно, разве в эту профессию отбирают по внешним признакам? Это же не модельный бизнес. Главное, чтобы котелок варил, как заведённый. И вряд-ли Ярослав сейчас пойдет спать. Сам же сказал, что дела ждут.

Я несколько томительно долгих минут смотрю на телефон в своей руке и все никак не могу решиться. Жду, одной мне понятного знака, но ничего не происходит.

– А что ты хотела? – спрашиваю я себя и быстро нахожу в списке вызовов Ксюхин номер. – Привет, Ксюндель! Кажется я всё!

14

В этом году ему будет тридцать три. Работает адвокатом в фирме отца, но все чаще сбегает на «вольные хлеба» – ведет подготовку и юридическое сопровождение крупных сделок или консультирует в случае судебных разбирательств, как сейчас. Ездит исключительно на «Вольво» по городу и на Слейпнире по Сосновому. И, что самое страшное для меня, не женат. Я сознательно выцарапываю информацию о Ярославе по крупницам, вскользь, невзначай, старательно избегая вопросов о внешности – бзик, хотя бы немного отрезвляющий не на шутку взбесившийся интерес. Он не знает, как выгляжу я, а я, в ответ, не пытаю Фаину показать хотя бы одну фотографию.

Это всего лишь игра. Странное развлечение. Не больше. И кроме одного единственного звонка в двадцать два тридцать ни мне ни ему не положено по правилам, которые вырисовывались сами собой, но соблюдаются едва ли не с маниакальной педантичностью. Каждый вечер мы разговариваем исключительно на «Вы». Подчеркнуто вежливо, с одной стороны, и в то же время не перешагивая границу личного пространства. В этом вся суть. Плюс, взаимоотношения работник-работодатель никто не отменял. Хотя с теми привилегиями, в которых я купалась, сложно считать шикарный отдых работой. Мы с Люцифером чуть ли не каждый день ходили к Васильичу, и пока я постигала азы верховой езды, ретривер наматывал круги рядом с Вегой или беззаботно валялся на небольшой копне скошенной травы. Даже выбрались после визита к ветеринару на третий участок к озеру – миниатюрный поход, растянувшийся на полдня. Накупались оба вдоволь и едва не заблудились на обратной дороге. Я проморгала поворот на тропинке, а Люцифер видимо решил, что прогулка просто немного затягивается. Благо хоть у меня мозгов хватило не паниковать и не орать: «Спасите-помогите!», а сказать: «Лютик, домой.» Если вы когда-нибудь захотите увидеть гордость в глазах собаки, просто позвольте себе немного заблудиться, а ей вывести вас из леса.

Трижды я ездила по субботам домой и трижды возвращалась утром воскресенья почти не выспавшаяся. Проболтать всю ночь с Ксюхой – святое дело. Особенно после того, как на пороге квартиры появлялся Левка. Приходил, мялся, бормотал что-то невнятное и нелепое, извинялся, но единственный номер, занесенный в черный список в моем телефоне, так и оставался Левиным. Я никак не могла понять, что именно произошло и стало переломной точкой в моем отношении к нему, но кроме будничного: «Привет. Зачем пришел? У меня все нормально. Пока» сказать ему не могла. Он вдруг резко стал каким-то скучным и неинтересным, раздражающим одним своим присутствием и отнимающим время, которого у меня и так было мало – в половину одиннадцатого, стоило только раздаться звонку телефона, я молча уходила в свою комнату, оставляя Ксюху и всю нашу компанию. Никому ничего не объясняя и не вдаваясь в подробности. Оксанка и так все знала, а остальные вряд-ли смогли меня понять. Поэтому, для всех это был стандартный для заказчика звонок с целью проконтролировать, не более того. А для меня... Омут, в который засасывало с каждым днём всё сильнее. И лишь в последний день в «Сосновом», ощущая плотную шершавую бумагу конверта в руке, я впервые отчетливо осознала, что заигралась. А завтра вечером уже никто не позвонит узнать о том, как прошел день у Люцифера. И у меня. От этого на глазах наворачивались крупные слезы, которые я даже не пыталась скрыть – они появились после того как Фаина меня обняла на прощание, а ретривер, до этого бегающий за мной хвостиком, непонимающе заскулил.

– Пока, Лютик, – шмыгая носом сказала я и пошла к машине, ждущей меня у лестницы.

Назвала адрес водителю, помахала рукой в окно и разревелась. «La Familia» – это семья. Моя маленькая семья, и сегодня в ней просто стало чуточку тоскливо.

– Левка опять приходил, – негромко вздыхает Оксанка, разливая в бокалы вино.

Как-то не сговариваясь мы обе решили, что сегодня нужно немного напиться. Ксю купила одну еще вчера вечером, а я попросила таксиста остановиться у гипермаркета и быстро сбежала за двумя бутылками – настроение требовало утопить грусть и тоску.

– И что ему нужно? – спрашиваю и делаю жадный глоток.

– Спрашивал когда ты возвращаешься.

– А ты что?

– Сказала, что не знаю, – Ксю забирается с ногами на диванчик и долго вертит свой бокал в руке. – Алис, это конечно не мое дело, но...

– Он меня бесит, Ксю! Просто бесит! – отрицательно мотаю головой в ответ, прекрасно зная к чему она клонит. – Не хочу его видеть.

– Как знаешь. Я только хотела уточнить, что ему говорить. Может ты ему позвонишь и все сама скажешь?

– Бесполезно. Уже говорила, – допиваю оставшееся вино и тянусь за бутылкой. Кроме развязавшегося языка нет никаких симптомов опьянения, и я словно тороплюсь это исправить. – Лучше расскажи, что у вас с Полуниным. Хоть какие-то подвижки есть?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.